

АЛЕКСАНДР
КОЛЮЧИЙ

БОЯРИН-КУЗНЕЦ

перековка судьбы

Александр (Колючий)
Боярин-Кузнец:
Перековка судьбы
Серия «Боярин-Кузнец», книга 1

*<https://litres.ru/73162248>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Учёный-материаловед Виктор Новиков после гибели в лаборатории попадает в тело Всеволода — хилого юноши из разорённого боярского рода. Чтобы спасти остатки земель и свою честь, он должен победить в судебном поединке могучего Яромира Медведева, сына врага, виновного в упадке его семьи.

Осознав своё физическое несовершенство, Всеволод отвергает путь воина и выбирает путь инженера.

Используя научные знания из XXI века, он восстанавливает древнюю кузницу, создавая уникальную сталь, что окружающие принимают за колдовство.

В процессе работы он открывает в себе и родовой дар — способность «видеть» душу металла, что в сочетании с наукой позволяет ему выковать совершенный клинок.

В финальном поединке его холодный расчёт и технологии одерживают победу над грубой силой. Но, сохранив честь рода,

Всеволод понимает, что эта победа — лишь начало новой, более опасной войны.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	82
Глава 8	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александр (Колючий)

Боярин-Кузнец:

Перековка судьбы

Название: Боярин-Кузнец: Перековка судьбы

Автор(-ы): Александр Колючий

Ссылка: <https://author.today/work/461910>

Глава 1

Конец смены – лучшее время суток. Это негласный, почти священный закон любой научной лаборатории, и наша, занимавшаяся скучными для обывателя, но захватывающими для меня проблемами высокопрочных сплавов, не была исключением. Дело было не в том, что впереди маячил заслуженный отдых в компании старенького дивана, остатков вчерашней пиццы в холодильнике и сериала, на который у тебя вечно нет времени. Это всё было лишь приятным, но необязательным бонусом. Нет. Конец смены был прекрасен тем, что из твоего личного, почти стерильного рая, где всё лежало на своих местах, подчинялось законам физики и работало по строго определённым протоколам, наконец-то испарялись все лишние, хаотичные сущности. В моём случае – аспиранты.

Милые, толковые ребята, конечно. С огнём в глазах и непоколебимой верой в светлое будущее отечественной науки. Но, к сожалению, с руками, которые росли из совершенно неанатомических мест и обладали каким-то сверхъестественным, почти магическим талантом ронять самые дорогие, хрупкие и, как правило, единственные в своём роде экспериментальные образцы. Я до сих пор с содроганием вспоминал, как стажёр Лёша умудрился уронить на пол тигель с расплавом висмута. Убирать застывшие серебристые кап-

ли со сверхчистого кварцевого пола, стараясь не поцарапать его и не создать микроскопическую пыль, которая могла бы испортить следующий эксперимент, было тем ещё развлечением. А как аспирант Паша, протирая оптику спектрометра, перепутал изопропиловый спирт с ацетоном, оставив на линзе стоимостью с его годовую стипендию мутные, неустраняемые разводы? О, эти истории можно было издавать отдельным сборником трагикомедий.

Поэтому, когда последний из них, тот самый Паша, пожелав мне доброй ночи и удачного эксперимента, наконец скрывался за тяжёлой, гулко ухнувшей гермодверью, я испытывал настоящее облегчение, сродни тому, что чувствует хирург, оставшись наедине с пациентом после толпы говорливых интернов. Наступала она – благословенная, продуктивная тишина.

Только я, мерный, убаюкивающий гул немецких вакуумных насосов, похожий на мурлыканье очень большого и очень довольного кота, и холодное, синеватое свечение трёх мониторов, отражающееся в идеально отполированных хромированных поверхностях установки. Тишина, нарушаемая лишь щелчками реле и моими редкими комментариями вполголоса, адресованными неодушевлённым железкам.

Я сделал большой глоток остывшего кофе из своей любимой, треснутой у ручки кружки с надписью «Сопромат не прощает». Кофе был отвратительным, как всегда. Растворимый суррогат «Каждый день», который наш завхоз Семёныч

закупал огромными банками, потому что «настоящий молодой, Виктор Павлович, это буржуазное расточительство, не по-государственному». Но этот суррогат содержал кофеин – истинный, единственный и незаменимый двигатель научно-го прогресса. Без него половина открытий так и осталась бы лежать в папке с названием «додумать завтра, если будут силы». Этот горький, землистый вкус был вкусом моей работы, вкусом компромисса между желаемым и действительным.

В защитном боксе из армированного стекла, в атмосфере чистейшего инертного аргона, под давлением в пару сотен атмосфер, вершилось таинство. Я, Виктор Новиков, тридцати двух лет от роду, кандидат технических наук, ведущий специалист и просто хороший парень, синтезировал новый композитный сплав. Мой проект, мой грант, моя личная гора Эверест, на которую я карабкался последние два года, отбиваясь от бюрократов из министерства, требующих «промежуточных результатов и отчётов по установленной форме», и от тех самых аспирантов, требующих «простых и понятных задач».

Это был материал на основе термопластичного карбида вольфрама с армирующими нитями из нитрида бора. По моим расчётам, полученная матрица была способна выдержать давление в несколько гигапаскалей и температуру свыше трёх тысяч кельвинов. Достаточно, чтобы превратить взрослого африканского слона в очень плоскую, очень дорогую и очень грустную монетку. По крайней мере, так было в тео-

рии, в красивых моделях на экране и в стройных формулах на маркерной доске. Потенциальное применение? Обшивка для термоядерных реакторов, броня для межпланетных кораблей, буровые головки, способные прогрызть земную кору до самой мантии. Мечты, мечты.

Но у реальности, как это часто бывает, было своё, особое мнение на этот счёт, и она редко совпадала с моими графиками. Я хмуро уставился на центральный монитор. Кривая давления вела себя, как студент на первой лекции – вроде бы слушала, но постоянно норовила уснуть, то есть, просесть ниже расчётных значений. Это было некритично, всего на пару сотых процента, но раздражало до зубовного скрежета. Моя прекрасная, идеальная изобара имела не менее прекрасный, но совершенно неуместный отрицательный градиент.

– Чёрт, – пробормотал я, потирая уставшие глаза, которые уже начали сливаться с пикселями на экране в единое целое. – Опять утечка в контуре? Или этот гений экономии, наш завхоз Семёныч, снова вместо надёжного немецкого датчика за тысячу евро подсунул китайский аналог за десять долларов с AliExpress, с погрешностью в две атмосферы и встроенным прогнозом погоды на завтра?

Я открыл лог-файл системы. Никаких ошибок. Прогнал удалённую диагностику сенсорного блока – всё в пределах нормы. Значит, дело не в электронике. Значит, где-то микроскопическая, но физическая брешь. Я вспомнил свою по-

следнюю служебную записку на имя Семёныча. Три страницы. С графиками и расчётами, доказывающими, что потенциальный ущерб от отказа этого дешёвого барахла в сто раз превысит экономию. Ответ был гениален в своей простоте и пришёл в виде записки, нацарапанной на обратной стороне сметы: «Денег нет, но вы держитесь. И вообще, Виктор Павлович, надо быть ближе к народу, а не к этим вашим евро». Держусь. Пока держусь. На кофеине и чистом упрямстве.

Никакого чувства опасности. Никакого предчувствия беды. Только глухое, въевшееся в печёнку раздражение перфекциониста, чей прекрасный, выверенный мир в очередной раз столкнулся с убогой, несовершенной реальностью. Где люди экономят на спичках, строя при этом космический корабль. Классика.

Я решил провести ручную диагностику герметичности. Процедура стандартная, отработанная до автоматизма, как приготовление того же утреннего отвратительного кофе. Я натянул на голову лёгкий защитный шлем с поликарбонатным визором – больше для проформы и соблюдения техники безопасности, чем для реальной защиты, – и подошёл к установке. Она гудела, как довольный кот, но я-то знал, что это обманчивое спокойствие. Внутри этого хромированного зверя таилась мощь, способная разнести лабораторию в пыль. Но я не боялся. Я её знал. Я сам её спроектировал и собрал.

Я медленно пошёл вдоль системы трубопроводов, вода

над соединениями портативным течеискателем. Монотонный писк прибора действовал успокаивающе. Фланец за фланцем, вентиль за вентилем. Всё чисто. Раздражение нарастало. Неужели придётся останавливать цикл и сбрасывать давление? Это означало потерю суток работы и уникального образца.

За спиной что-то тонко, почти на грани ультразвука, пискнуло. Звук, который не предвещал ничего хорошего. Это был не течеискатель. Это был сигнал аварийного превышения параметров с главного компьютера.

Я резко обернулся к монитору. И всё моё спокойствие, вся моя уверенность испарились в одно мгновение, сменившись ледяным ужасом. Иссиня-чёрная линия графика, наплевав на все законы физики, сопромат и мои седые волосы, которых у меня ещё не было, но которые, казалось, вот-вот появятся, стояла вертикально. Она пробила жёлтую зону предупреждения, пронзила красную запретную зону и упёрлась в самый потолок диаграммы. Цифры на счётчике давления превратились в нечитаемую алую кашу, обновляясь быстрее, чем глаз мог их воспринять. Цепная реакция. Неконтролируемый фазовый переход в материале. Давление росло экспоненциально.

– Ой, – было единственным, что я успел сказать. Не самое героическое последнее слово, но на большее времени уже не было.

Не было ни взрыва, ни огня, ни прочей голливудской пи-

ротехники, которую так любят показывать в фильмах. Всё произошло до обидного прозаично, буднично и невероятно быстро. Сухой, резкий хлопок лопнувшего металла, похожий на выстрел из крупнокалиберной винтовки. Воздух в лёгких сжался, словно меня ударили в грудь невидимым кулаком. Вакуумная камера, не выдержав чудовищного внутреннего давления, не взорвалась. Она схлопнулась.

Имплозия.

Ударная волна, направленная не наружу, а внутрь, сжала установку стоимостью в три моих ипотеки в бесформенный комок искорёженного металла. И тут же, в следующую микросекунду, эта чудовищная энергия нашла выход. Воздух вокруг меня завибрировал, превратившись в твёрдую стену. Последнее, что зафиксировало моё сознание – это красивая, почти идеальная, симметричная паутина трещин, разбегающихся по визору моего шлема от точки прямо между глаз. Моя последняя мысль была абсолютно спокойной и непростительно глупой для момента собственной смерти.

«Каскадный отказ... Интересная механика разрушения... А я ведь даже отчёт за квартал не сдал».

А потом была вспышка ослепительно-белого света, поглотившая всё. Звуки, цвета, ощущения. Весь мир свернулся в одну бесконечно яркую точку. И наступила тишина. На этот раз – настоящая, полная и, как оказалось, окончательная. Абсолютный ноль информации. Идеальный вакуум.

Система «Виктор Новиков» прекратила своё функцио-

нирование из-за критической ошибки, вызванной несовместимым с жизнью внешним воздействием. Проще говоря, я умер.

Неловко вышло.

Вспышка белого света и последовавшая за ней абсолютная тишина, как оказалось, были не концом. Они были лишь прелюдией. Знаете, как на старом телевизоре, когда пропадает сигнал: на секунду экран становится пустым и молчаливым, а потом взрывается шипящей, чёрно-белой рябью. Мой личный конец света был очень похож на это. Только вместо ряби было нечто куда хуже. Нечто, для чего в человеческом языке не было слов, но мой разум инженера тут же подобрал уродливый, но точный термин: декомпиляция души.

Моего тела больше не было. Не было лёгких, чтобы дышать. Не было глаз, чтобы видеть. Не было ушей, чтобы слышать. Попытка ощупать фантомные конечности или сделать фантомный вдох натыкалась на глухую стену. Некое «я», бестелесная, дезориентированная точка чистого сознания, плавающая в безграничном океане... чего-то. Чего-то фундаментально неправильного.

Это не была тьма. И не свет. Это было похоже на то, что видит центральный процессор, когда на него подадут напряжение, но операционная система намертво зависает на этапе загрузки, выдавая на экран каскад ошибок. Бесконечный, бессмысленный поток информационного мусора. Я «видел», если это слово здесь вообще применимо, каскады

битых пикселей всех цветов радуги, которые складывались в уродливые, постоянно меняющиеся узоры. Я «воспринимал» фрактальные паттерны, которые на долю секунды обретали сложнейшую, почти осмысленную математическую структуру, чтобы тут же с диким визгом, похожим на звук царапаемого диска, распасться в цифровой снег. Это было похоже на то, как если бы кто-то пытался запустить новейшую видеоигру на старом калькуляторе, и его видеокарта отчаянно пыталась что-то изобразить, но вместо этого просто умирала, снова и снова, выплёвывая в вечность артефакты рендеринга.

Мой разум, лишённый всех привычных инструментов – логики, физики, математики – отчаянно пытался найти в этом хаосе систему. Найти хоть какую-то закономерность. Я пытался применить к этому шуму преобразование Фурье, чтобы разложить его на гармоники, но сами основы математики здесь были нестабильны. Число Пи плавало, мнимая единица то и дело становилась действительной, а параллельные прямые пересекались под самыми немыслимыми углами.

«Так. Что мы имеем? – пытался рассуждать я, чтобы не сойти с ума, хотя, скорее всего, я уже давно перешёл эту черту. – Нестабильная среда. Отсутствие постоянных физических законов. Поток неструктурированных, повреждённых данных. По сути – „синий экран смерти“ вселенского масштаба. Пользовательский опыт, прямо скажем, отвратитель-

ный. Ноль из десяти. Интересно, куда можно написать жалобу? Где здешний отдел по работе с клиентами? Или хотя бы форум на Reddit, где другие „пользователи“ делятся впечатлениями и способами решения проблем?»

Звуковой фон был под стать визуальному. Искажённые, замедленные в тысячи раз отголоски моего собственного конца. Протяжный вой лопающегося металла, который теперь звучал как скрежет неисправного жёсткого диска, пытающегося прочитать несуществующий сектор. Цифровой визг, от которого моё бестелесное «я» сжималось в комок. Это была пытка для разума, привыкшего к порядку, к формулам, к тому, что у всего есть причина и следствие. А здесь были только следствия. Без причин. Бесконечный цикл исключений без обработчиков.

Постепенно, спустя вечность или, может, пару наносекунд – время здесь тоже было величиной ненадёжной, – информационный шум начал меняться. Он становился более личным, а оттого – ещё более невыносимым. Я понял, что вижу не просто случайный мусор. Я вижу фрагменты своей собственной, только что закончившейся жизни, пропущенные через промышленный шредер.

Вот я «вижу» лицо матери. Старая, выцветшая фотография на моём рабочем столе, где она улыбается мне на моём двадцатилетии, держа в руках торт. Но её улыбка подёргивается рябью, как плохое видеосоединение. Пиксели её лица начинают жить своей жизнью, сползая и образуя гротескную,

кричащую маску. Она пытается что-то сказать, поздравить, но её голос – это лишь набор искажённых аудио-артефактов, полный помех и скрежета, как будто старую пластинку проигрывают на сломанном патефоне. Образ мерцает, искажается и исчезает с финальным визгом, похожим на звук удаляемого файла.

Вот перед глазами проносятся формулы моего сплава. Дело всей моей жизни. Уравнение состояния, диаграммы фазовых переходов. Но все символы перепутаны, индексы стоят не на своих местах, а фундаментальные константы – постоянная Планка, скорость света – флуктуируют, превращаясь в бессмысленный набор иероглифов. Величайший труд моего разума превратился в абракадабру, в спам-рассылку от Вселенной. Я пытаюсь ухватить хоть одну знакомую концепцию, но они ускользают, тают, превращаясь в тот же цифровой мусор.

Вот я вижу свою первую съёмную квартиру. Старое, продавленное кресло, в котором я любил сидеть вечерами, читая научную фантастику. Вид из окна на ночной город, на гирлянды огней. Но стены комнаты сделаны из мерцающих, рассыпающихся пикселей, а огни города за окном – это просто статичная, некачественная картинка, «задник», нарисованный ленивым дизайнером этого странного мира. На мгновение картинка за окном сменяется изображением невозможного, неевклидова города из кошмаров Лавкрафта, и тут же всё схлопывается в ничто.

Это было хуже, чем просто хаос. Это был процесс стирания. Целенаправленного, методичного уничтожения личности. Я был вынужден наблюдать, как моё прошлое, моя личность, вся моя жизнь – всё, что делало Виктора Новикова Виктором Новиковым, – распадается на бесполезные байты информации. Это было не больно. Это было гораздо хуже. Это было полное и окончательное обесценивание всего, чем я был. Я был программой, которую удаляли с диска, и я был вынужден наблюдать за процессом форматирования. Медленно, файл за файлом. И это вызывало чувство глубокой, всепоглощающей тоски и абсолютного бессилия.

В тот момент, когда мне показалось, что от моего «я» уже почти ничего не осталось, что я вот-вот растворюсь в этом информационном шуме, как капля чернил в воде, сквозь вой и скрежет пробился он. Тот самый звук.

Ритмичный. Упорядоченный. Стабильный.

Удар. Пауза. Удар.

Сначала я принял его за очередной глюк. Ещё один замкнутый аудиофайл в этом плейлисте безумия. Очередной артефакт. Но он повторялся. С идеальной, неизменной периодичностью. Он не искажался. Он не обрастал помехами. Он был... чистым сигналом. В этом океане хаоса это был единственный островок порядка. И мой тонущий разум инстинктивно уцепился за него, как утопающий за спасательный круг.

Я начал концентрироваться на этом звуке, игнорируя всё

остальное. Я строил вокруг него ментальный брандмауэр, отсекая потоки повреждённых данных. Пытался его проанализировать, разложить на составляющие, как раскладывают на спектр световой луч. Это был не просто стук. В нём был вес. В нём был резонанс. Это был звук тяжёлого молота, бьющего по массивной стальной плите. По наковальне. Этот звук был мне знаком. Я слышал его в цехах, когда работал с крупными поковками на металлургических заводах. Это был звук созидания. Звук, который придавал бесформенному металлу новую жизнь и новую форму.

Мой мозг, получив наконец настоящую, неповреждённую информацию, с жадностью вцепился в неё, оживая.

«Так, что это может быть? – заработала моя внутренняя аналитическая машина, отчаянно цепляясь за возможность работать. – Вариант А: это некий фундаментальный резонанс Вселенной, пульс творения, о котором пишут в дешёвых книжках по эзотерике. Звучит красиво, поэтично, но, учитывая общее качество этого „перехода“, крайне маловероятно. Отклонено как нефальсифицируемое. Вариант Б: это просто какой-то космический кузнец в соседнем измерении чинит свою межгалактическую телегу, и ему грубо плевать на шумоизоляцию и покой новопредставленных. Учитывая общий бардак и наплевательское отношение к пользовательскому опыту, этот вариант кажется мне более правдоподобным. Вариант В: это некий сигнал-маяк, специально предназначенный для „заблудившихся“ сознаний. На-

вигационный буй в штормовом море энтропии».

Как бы то ни было, этот звук стал моим центром. Моим якорем. Моей системой координат. Я сфокусировался на нём, отсекая потоки мусорных данных. Этот ритм не давал мне окончательно раствориться. Он был единственной нитью, связывающей меня с чем-то, что можно было бы назвать реальностью.

Несмотря на мою отчаянную концентрацию на звуке молота, процесс распада продолжался. Моё «я» становилось всё более эфемерным. Я начал сознательно отпускать повреждённые воспоминания, как отбрасывают балласт. Глючащее лицо матери, перекошенные формулы, пиксельная квартира – всё это было испорченными данными, мешавшими мне сосредоточиться на единственном чистом сигнале. Чувство собственной личности угасало, как остывающий металл послековки.

На смену тоске и страху пришло спокойное, тупое принятие. Это как засыпать после очень-очень долгого и тяжёлого дня. Спротивляться больше не было ни сил, ни желания. Пусть будет как будет.

Я больше не был Виктором Новиковым, инженером. Эти понятия были частью повреждённых секторов моей памяти. Я был просто точкой восприятия, привязанной к одному-единственному, простому и понятному сигналу.

Удар. Пауза. Удар.

Этот звук становился всё громче, всё ближе. Он словно

тянул меня за собой, вытягивая из этого цифрового лимба, как рыбу из мутной воды. Я чувствовал, как пространство вокруг меня меняется. Хаос не исчезал, но он словно раступался, образуя коридор, в центре которого был этот звук. Это был луч маяка в непроглядном тумане. Я не знал, куда он меня ведёт. В новую жизнь? В окончательное небытие? Мне уже было всё равно. Я просто следовал за ним.

Сознание сужалось до этого ритма. Молот. Наковальня. Удар.

Визуальный и аудиальный шум схлопнулся, сжался и наконец полностью поглотился нарастающей мощью этого простого, древнего звука.

Темнота. Идеальная, бархатная, упорядоченная темнота. И только этот звук, пронизывающий её насквозь.

Глава 2

Тьма, в которой я растворился в конце своего странного путешествия по морю битых данных, не была пустотой. Это была скорее пауза. Затишье. Словно система, закончив один этап загрузки, готовилась к следующему. Единственное, что осталось от предыдущего состояния – это слабое, затухающее эхо ритмичного стука молота, которое, казалось, отпечаталось прямо в структуре моего сознания, как остаточное изображение на ЭЛТ-мониторе.

И в эту пустоту, в эту тишину, вторгся он. Первый пакет данных. Первый неоспоримый, наглый и совершенно отвратительный признак того, что я нахожусь в физическом мире. Запах.

Мой мозг, изголодавшийся по любой упорядоченной информации, вцепился в этот новый поток данных и начал его препарировать с дотошностью профессионального газового хроматографа. Букет был сложным, многогранным и абсолютно незабываемым. Верхние ноты – резкий, бьющий в нос аммиачный удар, продукт разложения мочевины. Проще говоря – застарелый мышинный помёт. К нему примешивалась всепроникающая, въедливая пыль, которая, казалось, была старше этого мира. Когда первоначальный шок проходил, раскрывалось «сердце» аромата – плотное, густое тело запаха, сотканное из геосмина – органического соединения, вы-

дающего присутствие плесени на сырой древесине, – и тёплого, чуть сладковатого духа прелой, влажной соломы. Это был запах медленного, уверенного гниения. И в основе всего этого великолепия лежал тяжёлый, кислый шлейф масляной кислоты, безошибочный маркер немытого, больного человеческого тела, пропитанного застарелым потом.

И вишенкой на этом ольфакторном торте, финальным аккордом этой симфонии вони, была острая, сухая, лекарственная нота полыни. Кто-то, очевидно, обладающий тонким чувством прекрасного, пытался этим мощным ароматом перебить всё остальное. Гениальный план, надёжный, как швейцарские часы, купленные Семёнычем на AliExpress. В результате получился новый, ещё более тошнотворный микс, от которого у меня, не имевшего на тот момент желудка, начались фантомные рвотные позывы. Это был не просто запах. Это было оскорбление для обонятельных рецепторов. Это было заявление. Заявление о том, что я попал в место, где гигиена была не в почёте, а её место занимала фитотерапия.

Вслед за запахом, словно боясь опоздать на вечеринку, начал просачиваться и звук.

Первым делом я снова слышал его. Удар. Пауза. Удар. Теперь он был не в моей голове, не в хаосе данных. Он был где-то там, снаружи. Далёкий, но абсолютно реальный. Гулкий, тяжёлый удар молота о наковальню. Мой якорь из предыдущего мира каким-то образом перенёсся в этот. Это

немного успокаивало. В этом мире кто-то, по крайней мере, работал, а не только источал ароматы.

Затем мой слух, словно настраиваясь на новую частоту, начал выхватывать и другие звуки, создавая то, что можно было назвать «звуковым ландшафтом нищеты и запустения».

Где-то рядом, кажется, прямо над головой, со скрипом старого, уставшего человека вздохнула и затихла половица. Звук был таким жалобным, что казалось, дерево вот-вот заплачет под чьим-то весом.

За стеной пронзительно, без всякого уважения к моему тяжёлому состоянию, чирикали птицы. Их пение было непривычно громким, чистым, не приглушённым современными стеклопакетами и гулом городского трафика. Оно было чужим, диким, первозданным.

А прямо у моего уха, с наглостью и упорством коллектора, нашедшего своего должника, принялась жужжать довольная жизнью муха. Она не просто жужжала. Она выполняла фигуры высшего пилотажа, проносясь мимо, затихая и снова начиная свой монотонный, изводящий нервы гул. Это был не просто звук. Это был безошибочный маркер определённого уровня санитарных условий. Живой, летающий датчик антисанитарии.

Следующим активировался тактильный интерфейс. Я начал чувствовать. И первым, что я почувствовал, было то, что я существую. У меня снова были границы. Границы нового

тела. Тела, которое было мне совершенно незнакомо. Я мысленно «пропинговал» конечности. Они ответили тупой, ноющей болью, но они были. Я чувствовал незнакомые мозоли на руках, старый, зарубцевавшийся шрам на левом предплечье. Это было не моё тело. Я был программой, запущенной на чужом железе.

И первым ощущением внутри этих границ был холод. Не бодрящая прохлада чистого помещения. Это был сырой, липкий, проникающий холод, который, казалось, исходил от самой земли. Он забирался под тонкое одеяло и добирался до самых костей, заставляя их ныть.

Затем я осознал, на чём именно я лежу. Это нечто сложно было назвать матрасом. Это был мешок из грубой, колючей ткани, который, казалось, был набит всем тем, что не пригдилось при строительстве этого дома. Я отчётливо чувствовал сквозь тонкую рубаху отдельные, острые соломинки, которые впивались в кожу. Чувствовал какие-то мелкие веточки. Чувствовал комки сухой земли. А в районе поясницы было что-то твёрдое и ребристое, подозрительно напоминающее небольшой камень. Это был не предмет мебели. Это был инструмент для пыток, разработанный человеком, который искренне ненавидел комфортный сон и здоровую спину.

Тело было укрыто чем-то, что должно было быть одеялом. На ощупь – колючая, свалявшаяся шерсть, которая пахла мокрой собакой и той же вековой пылью. Оно почти не грело, но зато отлично выполняло функцию раздражителя. Ру-

баха, в которую я был одет, была из такого же грубого, нечёсаного льна. Каждое движение вызывало ощущение, будто меня полируют наждачной бумагой с крупным зерном. Я тосковал по своей старой, мягкой хлопковой футболке с логотипом NASA так, как никогда не тосковал ни по одной женщине.

Оставалось два последних чувства. Я попытался сглотнуть. Во рту стоял отвратительный, концентрированный вкус горечи. Тот самый полынный отвар, который я учуял ранее. Он был таким едким, что, казалось, мог разъесть не только микробов, но и мои собственные зубы. Язык ощущался во рту как вялый, неповоротливый, мёртвый слизняк. Я попытался пошевелить им. Получилось. Это было маленькой победой.

Всё. С меня хватит. Анализ данных по косвенным признакам был завершён. Пора было переходить к визуальному осмотру. Я собрал всю свою волю в кулак. Я должен был увидеть. Увидеть этот театр абсурда своими глазами. Открыть веки оказалось на удивление трудно. Они были тяжёлыми, словно свинцовые шторы, и склеились от долгого сна. С третьей, отчаянной попытки, мне это удалось. Я открыл глаза.

И увидел потолок. Низкий, давящий, с массивными, почерневшими от времени и копоти балками. Он нависал так низко, что, казалось, можно дотянуться до него рукой, не вставая.

Стены. Грубо отёсанные брёвна. Никаких обоев, никакой

штукатурки. Просто дерево, потемневшее от старости. Щели были неаккуратно законопачены сухим мхом и паклей.

Окно. Источник унылого, серого света. Маленькое, размером с мою голову. Вместо стекла – натянутая на раму и уже помутневшая от времени полупрозрачная плёнка. Бычий пузырь. Он пропускал внутрь ровно столько света, чтобы можно было отличить день от ночи, но разглядеть что-либо сквозь него было невозможно. Свет, проходя через него, был тусклым и рассеянным, словно я смотрел на мир через слой жира.

Я медленно закрыл и снова открыл глаза. Картинка не изменилась. Никакой больничной палаты. Никакой реанимации. Никаких заботливых медсестёр и плачущих приборов. Только это.

«Итак, – подумал я с холодной, отстранённой иронией. – Похоже, это не кома. Это какой-то особо извращённый вариант исторической реконструкции. С полным погружением. И, кажется, я – главный экспонат».

Я лежал, глядя в потолок, и мой мозг, наконец, получив данные от всех пяти сенсорных систем, проводил их синтез. Итоговый отчёт был неутешительным.

Отчёт о состоянии окружающей среды. Объект: Новиков В.П. (предположительно).

Атмосферный анализ (обоняние): Обнаружены высокие концентрации аммиака, геосмина, летучих органических кислот. Рекомендация: по возможности не дышать.

Акустический фон (слух): Примитивные биологические и бытовые шумы. Единственный техногенный маркер – удалённая ударная обработка металла.

Тактильное взаимодействие (осязание): Экстремально низкий уровень комфорта. Температура ниже оптимальной. Высокий риск повреждения кожных покровов. Постельные принадлежности не соответствуют минимальным стандартам.

Химический анализ (вкус): Обнаружен приём внутрь концентрированного отвара полыни. Возможны побочные эффекты.

Визуальные данные (зрение): Помещение классифицировано как «хибара, бревенчатая, 1 шт.». Технологический уровень – раннее Средневековье, возможно, ранее.

Мой разум отчаянно искал рациональное объяснение. Комма. Сложный сон. Галлюцинация, вызванная травмой. Но я был учёным. Я знал, что сны и галлюцинации строятся на основе уже имеющегося опыта, на фрагментах памяти. А в моём опыте не было ничего, что могло бы породить такую цельную, непротиворечивую и всесторонне отвратительную картину. Данные были слишком согласованы. Гипотеза «Сон» отклонена по причине избыточной мультисенсорной когерентности. Гипотеза «Галлюцинация» отклонена по той же причине.

И тут до меня дошла простая и страшная мысль. Холодный ужас, который я испытал ранее в цифровом лимбе, вер-

нулся, но теперь он был другим. Это был не страх перед неизвестностью. Это был ужас перед осознанием того, что эта по-мойка, этот мир боли и вони, – реален. Это не кошмар, от которого можно проснуться.

Это мой новый дом.

И я в нём застрял.

Осознание того, что окружающий меня кошмар реален, не принесло облегчения. Наоборот. Одно дело – быть зрителем в сюрреалистическом театре, другое – понять, что ты на сцене, в главной роли, а сценарий тебе не выдали. Если этот мир – настоящий, то и я в нём должен быть настоящим. А это означало, что у меня должно быть тело, которым я могу управлять.

Первая, самая базовая потребность любого живого существа – это не еда или вода. Это контроль. Контроль над собственными конечностями. Я решил начать с малого. С самой простой команды, которую мой мозг отдавал тысячи раз в день, не задумываясь.

Я лежал на этом орудии пыток, которое здесь, видимо, считалось кроватью, и отдал приказ: «Сесть».

Мой мозг привыкший к тому, что тело – это надёжный, хоть и иногда ленивый, исполнитель, отправил сигнал по нейронным сетям с уверенностью матёрого начальника отдела, отдающего распоряжение стажёру.

В ответ – тишина. Вернее, не совсем. Я почувствовал слабое, жалкое подрагивание мышц в районе пресса, словно те

вежливо сообщали мне: «Ваш запрос получен и находится в очереди на обработку. Пожалуйста, оставайтесь на линии. Расчётное время ответа: возможно, никогда».

Я попробовал ещё раз, на этот раз вложив в команду всю свою волю, всю свою ментальную энергию, форсируя исполнение. Результат был чуть лучше. Тело содрогнулось, приподнялось на пару сантиметров, как подстреленная птица, и с глухим, жалким стуком рухнуло обратно на соломенный матрас, подняв облачко пыли.

«Так. Проблема ясна, – констатировал я с холодной яростью. – Это не просто слабость. Это полный рассинхрон между программным обеспечением, то есть, моим мозгом, и аппаратной частью, то есть, этим телом. Драйверы абсолютно несовместимы. Мой мозг посылает чёткую команду „выполнить“, а тело принимает её как „рассмотреть к исполнению в следующем финансовом году, если будут свободные ресурсы“. Катастрофа».

Я решил действовать иначе. Не командовать, а договариваться. Переходить на ручное, низкоуровневое управление. Я начал медленно, по частям, активировать мышцы. Сначала напрячь пресс. Потом, помогая себе рукой, опереться на один локоть. Потом на другой. Это была унижительная, медленная процедура, похожая на сборку сложного механизма без инструкции и с использованием только одной отвёртки. Спустя минуту, которая показалась мне вечностью, я, тяжело дыша и покрывшись испариной, всё-таки сел. Первая по-

беда в этом мире. Ощущалась она как покорение Эвереста без кислородной маски.

Встать на ноги было отдельным приключением, достойным отдельной главы в эпосе. Ноги, которые я спустил на холодный, грязный пол, дрожали, как у новорождённого оленёнка. Мне пришлось опереться о холодную, шершавую стену, чтобы не упасть. Простой акт стояния требовал от меня полной концентрации и напряжения всех мышечных групп, которые я смог обнаружить. А их было немного.

И вот тогда, стоя и шатаясь, я начал свою инвентаризацию. Тактильный аудит моего нового имущества. Я провёл рукой по своей руке. Потом по другой. По груди. По ногам.

«Где бицепсы? – пронёслась в голове паническая мысль. – Здесь, по всем анатомическим картам, должен быть бицепс. А вместо него – кость. И немного кожи, которая на этой кости висит, как пиджак на вешалке. Трицепс тоже взял отпуск. Бессрочный. Это не руки. Это два тонких манипулятора с крайне ограниченной грузоподъёмностью».

Я ощупал свою грудь. Она напоминала стиральную доску. Очень грустную, невостребованную стиральную доску. Каждое ребро можно было не просто пересчитать, на них можно было играть ксилофонные партии. «Отлично, если нужно преподавать анатомию в местном университете. Ужасно, если нужно выжить».

Ноги... ну, их было две. Это был неоспоримый плюс. На этом плюсы заканчивались. Мышечной массы – ноль. По-

хоже, предыдущий владелец этого тела считал ходьбу излишним и вульгарным занятием, предпочитая аристократическое лежание.

Хуже всего было не то, что тело было слабым. А то, что оно было чужим. Я снова посмотрел на свои ладони. Бледные, с длинными, тонкими пальцами. Ногти были на удивление чистыми и аккуратными – единственный признак благородного происхождения в этой помойке. Я вспоминал свои старые руки – руки инженера, с мозолями от инструментов, с парой старых шрамов от неосторожного обращения с оборудованием. Те руки могли собрать и разобрать двигатель. Эти, казалось, сломаются, если попытаться открыть ими тугую банку с огурцами. Это было чувство глубочайшего, фундаментального отчуждения. Словно я был водителем, которого посадили за руль совершенно незнакомого, неисправного и очень странного автомобиля.

Мне нужно было визуальное подтверждение. Окончательное. Мозг требовал полных данных. Я обвёл взглядом комнату в поисках любой отражающей поверхности. Ведро с водой? Слишком темно, да и рябь на воде исказит всё до неузнаваемости. Мой взгляд остановился на тусклом металлическом осколке, который висел на стене на криво вбитом гвозде. Местное зеркало. Трюмо эпохи раннего феодализма.

Путь через комнату – метра три, не больше – показался мне марафонской дистанцией. Я шёл, придерживаясь за шершавую стену, каждый шаг отдавался дрожью в ногах.

Моё новое сердце колотилось от минимальной нагрузки. Я чувствовал себя столетним стариком, который решил совершить свой последний поход.

Я подошёл к «зеркалу». Сначала я увидел лишь тёмный, расплывчатый, искажённый силуэт. Я наклонился ближе, пытаясь сфокусироваться, и протёр царапанную поверхность рукавом грубой рубахи. Из мутной, царапанной поверхности начали проступать черты. Тёмные, прямые волосы, спадающие на лоб. Бледная, почти прозрачная кожа. Острый подбородок. Высокие скулы.

И наконец, я заглянул ему в глаза. Тёмные, почти чёрные. И увидел там себя.

Своё собственное, испуганное и донельзя разумное сознание, которое смотрело на меня из глаз абсолютного незнакомца. Юноши, которому на вид было лет восемнадцать, не больше.

Первая волна шока прошла, уступив место моему главному защитному механизму – едкому сарказму.

«Итак, вот он, мой новый аватар. Похож на солиста какой-то очень печальной эмо-группы из двухтысячных, которую выгнали из гаража за неуплату. Скулы, конечно, отличные, аристократические. Жаль, что всё остальное говорит о хроническом недоедании и острой нехватке солнечного света. Причёска в стиле „я упал с сеновала, тормозил головой“. Модно, наверное, в этом сезоне».

Я пытался шутить. Пытался анализировать. Но это была

лишь тонкая плёнка льда над бездной ужаса. И в этот момент лёд треснул.

В мою голову, как вирус в незащищённую систему, хлынул новый поток данных. Чужие воспоминания. Это не было похоже на мысль. Это был удар. Вспышки образов, звуков и эмоций, не имеющих для меня никакого контекста, но полных подлинного, животного ужаса.

Насмешливое, злое лицо какого-то здоровенного парня с рыжей бородой, перекошенное злобой.

Звон стали и ощущение удара, от которого закладывает уши и мир вспыхивает болью.

Испуганный, отчаянный крик «Тихон!», который был не криком, а беззвучным воплем где-то внутри.

И имя, которое билось в висках, как набат: Всеволод, Всеволод, Всеволод...

Мой мозг не выдержал. Два потока данных, две личности в одном черепе – это было слишком. Это был фатальный системный конфликт.

Я отшатнулся от зеркала, хватаясь за голову. Мир перед глазами превратился в тот самый калейдоскоп из битых пикселей, который я видел после смерти. Ноги-макаронины окончательно отказали, и я рухнул на пыльный пол, больно ударившись коленом.

«Синий экран смерти, – пронеслась последняя связная мысль. – На этот раз – прямо в моей голове. Система уходит на принудительную перезагрузку».

Я лежал на холодном, грязном полу, и моё сознание медленно пыталось перезагрузиться. Страх больше не был абстрактным. Он был реален. Я заперт. Я в чужом теле. И этот «кто-то», этот Всеволод, судя по всему, вёл очень интересную и полную опасностей жизнь. И теперь все его проблемы, все его страхи, все его враги – были моими.

И в этот момент, в момент моего полного и окончательного коллапса, я услышал звук. Не в голове. Снаружи. Шаги. Медленные, тяжёлые, приближающиеся к двери. Кто-то остановился прямо за ней. Я услышал приглушённое покашливание. Потом – медленный, тяжёлый, протяжный скрип дверной ручки. Не смазанной, ржавой.

Кто-то был за дверью. Кто-то собирался войти.

Моё сердце, сердце этого хилого тела, заколотилось где-то в горле с такой силой, что, казалось, оно вот-вот выпрыгнет. Я затаил дыхание, пытаясь слиться с полом. Я, Виктор Новиков, кандидат наук, никогда в жизни не испытывал такого первобытного ужаса. Но это тело, тело Всеволода, его знало. Оно было с ним знакомо. Эта дрожь, этот холодный пот – это была его реакция, и она теперь была моей.

Дверь начала медленно, с душераздирающим скрипом, открываться.

Глава 3

Я замер на полу, куда рухнул мгновением ранее, и инстинктивно сжался в комок, изображая то ли агонию, то ли глубокий обморок. Мой мозг, только что переживший атаку чужих воспоминаний и собственный «синий экран смерти», лихорадочно переключился в режим аварийного протокола. Неизвестный контакт. Угроза не определена. Рекомендация: притвориться ветошью и не отвечивать.

В проёме показалась сгорбленная фигура. Я разглядел пару стоптанных, но крепких сапог, затем – полы простого, латаного кафтана. Это был тот самый старик. Он вошёл в комнату, и его взгляд тут же упал на моё распростёртое на полу тело.

– Господин Всеволод! – в его голосе было столько неподдельного ужаса, что я на секунду сам почти поверил в свою трагическую кончину. – Что же вы! Вам нельзя вставать!

Он бросился ко мне, опустился на колени на грязный пол. Его морщинистое лицо было искажено тревогой.

«Господин? – пронеслось в моей голове, пока я изображал предсмертные хрипы. – Этот старик думает, что я – его господин? Глядя на эту комнату, я не уверен, для кого из нас это большее оскорбление».

– Господин, очнитесь! Святые угодники, что же это... – он пытался приподнять меня за плечи. Его руки были мозо-

листыми, кожа – сухой и грубой, как кора старого дерева, но прикосновение было на удивление бережным.

Я решил, что пора выходить из образа «трагически скончавшегося наследника» и переходить в образ «наследника, находящегося в состоянии крайней неадекватности». Я застонал. Тихо, жалобно, как и положено хилому подростку.

– Где я? – прохрипел я, используя свой новый, чужой и до неприличия высокий голос. И, чтобы добавить драмы, спросил: – Кто... ты?

Это сработало идеально. Лицо старика исказила гримаса такой скорби, будто я только что сообщил ему о скоропостижной кончине его любимой коровы.

– Эх, беда... хворь никак не отпустит разум ваш, молодой господин, – прошептал он, с невероятным усилием помогая мне подняться. – Это я, Тихон. Слуга ваш верный. Неужто не помните?

Я позволил ему довести себя до кровати. Этот короткий путь показался мне восхождением на Голгофу. Моё новое тело совершенно не слушалось. Ноги подгибались, голова кружилась. Моё сознание инженера, привыкшее к контролю, испытывало острое унижение от того, что его, как мешок с картошкой, ведёт под руку древний старик. Моё достоинство, казалось, осталось лежать где-то на полу, рядом сдохлым пауком.

Тихон уложил меня на это соломенное орудие пыток и укрыл колючим одеялом с такой заботой, будто я был по-

следним представителем вымирающего вида. В каком-то смысле, так оно и было. Пора было начинать «допрос», пока он был в этом благодушном и встревоженном настроении. Я посмотрел на него самым растерянным взглядом, на который был способен (что, впрочем, не требовало особых актёрских усилий).

– Тихон?.. – прохрипел я, изображая, что с трудом ворожаю языком. – Прости... в голове туман... Словно всё вымело. Эта... хворь... Что со мной было?

Старик сел на грубый табурет у кровати. Его морщинистое лицо выражало глубочайшее сочувствие.

– Ох, господин... Трясучка вас скрутила, злая хворь, – начал он своим скрипучим, как несмазанная телега, голосом. – Три дня тому назад вы из поселения вернулись – ни кровинки в лице. Молчали, на вопросы не отвечали. А ночью как началось! Затрясло вас, заметались, жар такой, что к кровати не подойти. Я уж думал, всё, отходит молодой господин...

– Я... бредил? – осторожно спросил я, пытаюсь направить разговор в нужное русло.

Тихон энергично закивал.

– Ещё как, господин! Кричали всё, да слова непонятные, не наши. Про какую-то «плазменную нестабильность» и «коэффициент расширения»... Бесовщина, прости Господи, – он торопливо перекрестился. – Я уж думал, демоны в вас вселились.

Я мысленно застонал. Отлично. Мой предсмертный ана-

лиз отказа оборудования здесь приняли за одержимость. Моё научное наследие в надёжных руках.

– Я в деревню побежал, за знахаркой Ариной, – продолжил Тихон. – Она у нас по хворям главная. Пришла, поглядела на вас, пошептала что-то на ухо, травами какими-то окурила, от которых весь дом потом три дня вонял...

«Ага, – подумал я, – так вот откуда эта нотка в общем букете».

– ...дала отвар из горьких трав, – ага, вот и источник этого незабываемого вкуса во рту, – и сказала, мол, теперь воля Святых, выживете аль нет. Мол, душа ваша сейчас меж мирами ходит, и вернётся ли обратно – неведомо.

«Замечательно, – оценил я ситуацию. – Местная система здравоохранения – это смесь фитотерапии, шаманизма и политики полного невмешательства. Приоритет номер один: не болеть. Никогда. Ничем. Даже насморком. Иначе эти „Святые“ могут и не вернуть душу с прогулки».

– Арина говорила, хворь эта часто на сильных мужей нападает, – с ноткой гордости добавил Тихон. – Ваш покойный батюшка, боярин Демьян, царствие ему небесное, бывало, такую трясучку на ногах переносил, только крякнет да квасу выпьет... А вот матушка ваша, боярыня Елена... она слабее была... – старик вдруг осёкся, его голос дрогнул. Он посмотрел на меня, испугавшись, что расстроил «больного».

Я сделал мысленную пометку. Отец: боярин Демьян, покойный. Статус: высокий, раз мог переносить «трясучку»

на ногах. Мать: Елена, тоже покойная, тема чувствительная. Вывод: я круглый сирота. Это многое объясняет.

Я прикрыл глаза, изображая слабость. На самом деле я просто пытался скрыть взгляд человека, чей мозг лихорадочно обрабатывал и каталогизировал входящую информацию.

– Вам бы подкрепиться, господин, – сказал Тихон, поднимаясь. – Силы нужны. Я мигом, только похлёбку разогрею.

Он вышел, а я остался один. Несколько драгоценных минут для независимой экспертизы и оценки текущего местоположения. Я снова сел, преодолевая протесты моего нового тела, и начал свой осмотр. Теперь это был не просто испуганный взгляд, а холодный анализ инженера.

Стены. Сруб. Пазы между брёвнами прорублены топором. Следы грубые, неровные. Пилы, если и существуют в этом мире, здесь явно не применялись. Слишком дорого или слишком сложно. Щели законопачены мхом. Экологично, конечно. Если не считать сквозняков и вероятного наличия в этом мхе целой экосистемы насекомых.

Окно. Тот самый «био-полимерный экран» из бычьего пузыря. Я подполз к нему. Плёнка была натянута на грубую деревянную раму и закреплена коваными гвоздями. Вид на улицу был такой, будто я смотрел на мир через толщу вазелина. Технологический уровень: «до свидания, стекольная промышленность». Позднее Средневековье, в лучшем случае.

Мебель. Сундук в углу. Массивный, скреплённый же-

лезными полосами. Гвозди кованые, с большими, расплюснутыми шляпками. Замок – простой пружинный механизм, который можно было бы вскрыть скрепкой. Если бы здесь изобрели скрепки. Кровать – просто сколоченные доски. Стул – три палки, соединённые вместе. Функционально. Убого.

Вернулся Тихон. В руках у него была деревянная миска, от которой шёл пар, и такая же деревянная ложка. В миске плавало нечто серое – жидкая похлёбка с редкими вкраплениями чего-то похожего на перловку и разваренную морковь. Рядом на дощечке лежал ломоть тёмного, плотного хлеба, которым, кажется, можно было бы отбиваться от волков.

Я заставил себя есть. Вкус был... никакой. Это было не еда. Это было топливо. Калории в чистом виде, без малейшего намёка на удовольствие. Пресное, чуть солоноватое, с привкусом дыма. Хлеб был кислым и тяжёлым. Я с тоской вспомнил свою последнюю пиццу «Четыре сыра».

«Вывод, – заключил я, с трудом проглотив ложку, – статус „господина“, похоже, чисто номинальный и не подкреплён материально. Финансовое положение – катастрофическое. Мы на дне. И, кажется, кто-то снизу уже стучит».

Тихон, довольный, что я поел, забрал посуду и, велев отдышаться, вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Я остался один в тишине.

Я лёг и закрыл глаза. Нужно было принять новую реаль-

ность. Смириться с ней.

Имя: Всеволод Волконский. Звучало как название какого-то очень скучного исторического романа. Или как требование к паролю: «должен содержать не менее десяти символов, одну заглавную букву и одну боярскую фамилию».

Статус: «молодой господин», наследник покойного боярина.

Состояние: судя по всему, отрицательное. Мы не просто бедны, мы на грани выживания.

Технологический уровень мира: «спасибо, что не каменный век, но и до парового двигателя ещё как до Луны пешком».

Я мысленно представил свою прошлую жизнь. Свою лабораторию, свою уютную квартиру. Доставку горячей пиццы. Быстрый интернет. Хороший, ароматный кофе. Всё это теперь казалось сном. Фантомом. Виктор Новиков, 32 года, перспективный учёный, погиб при аварии на производстве. Точка. Это был завершённый проект. Цепляться за это имя, за эту жизнь – значит отказаться принимать правила новой игры. А в такой игре это равносильно проигрышу.

Нужно было принять новое имя. Примерить его, как неудобный, колючий, но единственный доступный костюм.

Я медленно, с усилием, прошептал в тишину:

– Все-во-лод...

Звучало нелепо.

Я попробовал снова, уже твёрже, вкладывая в это слово

не только звуки, но и всю свою волю к выживанию.

– Всеволод Волконский.

Это больше не было просто набором букв. Это был мой новый логин в этой системе. Моя роль. Мой щит. Моё проклятие и, возможно, мой шанс.

Ужас и паника отступили. На их место пришла холодная, тяжёлая, как наковальня, решимость. Я не знал, что ждёт меня за дверью этой комнаты. Но у меня была отправная точка. Имя. Легенда. И мозг инженера, привыкший решать проблемы. А проблем тут, судя по всему, было больше, чем звёзд на небе.

«Ну что ж, Всеволод, – подумал я. – Добро пожаловать в новый мир. Первый пункт в списке дел: выяснить, как не умереть с голоду или от следующей „хвори“. Второй пункт: найти что-нибудь съедобное, что не похоже на эту похлёбку. Эксперимент начинается».

Ночь принесла не столько отдых, сколько осознание того, что матрас, набитый соломой, является одним из самых эффективных орудий пыток, придуманных человечеством. Но, как ни странно, порция сомнительной похлёбки и несколько часов забытья сделали своё дело. Я чувствовал себя не то чтобы хорошо, но, по крайней мере, уже не как ходячий труп. Просто как очень, очень уставший человек, которому срочно нужен кофе и отпуск. Желательно, на другом конце галактики.

Я понял, что не могу больше сидеть в этой комнате. Мой

внутренний инженер требовал полной технической инспекции объекта. Объекта под названием «моё новое убогое жилище».

Я нашёл Тихона, который уже вовсю хозяйничал во дворе, пытаюсь починить рассохшуюся бочку. Старик выглядел таким же древним и потрескавшимся, как и она.

– Тихон, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал по-господарски, а не как у человека, который только что проиграл битву с матрасом. – Проведи мне экскурсию. Я хочу видеть всё.

Старик посмотрел на меня с тревогой.

– Господин, вам бы полежать, силы поберечь...

– Тихон, если этот дом развалится на мне, пока я буду отдыхать, это не сильно поспособствует моему выздоровлению. Веди. Полный осмотр помещений. Считай это аудитом.

Старик, конечно, не понял, что такое «аудит», но слово, видимо, прозвучало весомо. Он вздохнул, отложил инструменты и подчинился. Мы вошли в центральное помещение дома, и я на мгновение замер. Если моя комната была просто бедной, то это место было... эпичным. В своей заброшенности. Огромный, гулкий зал с потолком высотой в два этажа, который, казалось, уходил во мрак. Здесь можно было бы устраивать пиры на сотню человек. Или снимать фильмы про вампиров. Декорации уже были готовы.

Вдоль стен, на выцветшей ткани, которой они были обиты, темнели идеальные прямоугольники. Призраки картин,

ковров или гобеленов, которые когда-то здесь висели, создавая уют. Теперь эти пятна выглядели как следы от давно снятых улик на месте преступления. Пустые оружейные стойки у стены напоминали скелеты доисторических животных. А огромный, в человеческий рост, камин был чёрен от сажи и плотно затянут паутиной. Он был не просто холодным. Он был мёртвым.

«Интересно, – подумал я, разглядывая массивные дубовые балки под потолком. – Соединение „ласточкин хвост“. Ручная работа. Кто бы это ни строил, он знал своё дело. Рассчитано на века». Но, судя по всему, в середине этого срока у владельцев кончились деньги на ремонт. Это была не просто бедность, когда не хватает на еду. Это было медленное, системное угасание целого организма. И, к моему удивлению, где-то в глубине души я почувствовал укол тоски. Чужой, унаследованной тоски. Видимо, остаточный файл от предыдущего пользователя этой тушки. Раздражает.

– Покажи мне остальные комнаты, – сказал я, и мы двинулись дальше по скрипучим коридорам, которые отвечали на каждый наш шаг жалобным стоном.

Первая остановка – кабинет отца. Комната, где, очевидно, принимались все те гениальные бизнес-решения, которые привели поместье к нынешнему процветанию. Главным экспонатом был массивный дубовый стол. Его столешница была покрыта глубокими царапинами и тёмными пятнами, словно по ней годами били то кулаком, то тяжёлой кружкой.

Свидетельство напряжённых переговоров. В основном, с самим собой. У стены стоял гигантский книжный шкаф. Пустой.

«Любопытно, – подумал я, проводя пальцем по пыльной полке. – Папаша не любил читать? Или книги ушли первыми в счёт долга? Судя по общему состоянию дел, ставлю на второе».

Мои пальцы наткнулись на доску, которая слегка просела. Тайник. Классика жанра. Внутри должна быть либо карта сокровищ, либо последняя бутылка заначенного алкоголя. Я подцепил её ногтем. Под доской была неглубокая ниша. И она была, разумеется, тоже пуста. Ну, почти. В дальнем углу лежал одинокий предмет. Я достал находку. Тяжёлая бронзовая печатка. На ней был выгравирован герб: оскаленная волчья голова, а под ней – два перекрещенных молота.

«Так, значит, мы были „Волки-Молотобойцы“ или „Кузнечные Псы“? Звучит грустно. Жаль, что не помогло».

Следующая дверь вела в покои матери. И эта комната была совершенно другой. Здесь было чисто. Пахло сушёной лавандой. Видно было, что Тихон заходит сюда и поддерживает порядок, как может. Но эта чистота лишь подчёркивала пустоту. Маленький туалетный столик был гол. Шкатулка для драгоценностей, сделанная из резного дерева, была открыта. Внутри, на истлевшем бархате, лежал только старый деревянный гребень. Ни колечка, ни серёжки, ни даже дешёвой брошки.

В этой комнате не было места сарказму. Это была история не о плохом управлении, а о тихом отчаянии. История женщины, которая пыталась удержать рушащийся мир из последних сил, продавая свои воспоминания по одному.

«Теперь понятно, – заключил я, когда мы вышли. – Это была не внезапная катастрофа. Это было медленное кровопускание. Продавали всё по частям. Ковры, оружие, книги, украшения... Классический случай плохого финансового менеджмента, растянутого на годы».

Мы вернулись в большой зал. Я демонстративно сел в единственное уцелевшее кресло у холодного камина. Оно явно предназначалось для главы рода, и я решил, что пора начинать вживаться в роль. Нужно было завершить сбор анамнеза.

– Тихон, – сказал я, глядя на старика, который стоял передо мной, переминаясь с ноги на ногу. – Расскажи мне всё. Как? Почему? Болезнь забрала мою память, но я должен знать правду о своём роде. Без утайки. Я хочу знать полную историю нашего банкротства.

Старик тяжело вздохнул, словно я попросил его поднять непосильный груз. Он сел на простую скамью напротив и начал свою исповедь.

– Ох, господин... Род наш был велик, – начал он, и в его потухших глазах на мгновение зажёгся огонёк. – Дед ваш, боярин Волкон, да упокоят Святые его душу, был не просто боярин. Он был Кузнец! Мастер! Его клинки пели в бою!

Сам Великий Князь присылал к нему гонцов, заказывал мечи для своей гвардии. Род Волконских по всему княжеству гремел. На гербе нашем не зря молот – мы ремеслом своим жили, а не с земли кормились.

«Так, понятно, – перевёл я на свой язык. – Дед был гением-инноватором. Стив Джобс местного разлива. Основал бренд, вывел его в топ. Принято».

– А потом... потом пришёл ваш батюшка, боярин Демьян, – голос Тихона стал тише. – Хороший был человек, и воин смелый... да только Дар кузнечный ему от отца почти не передался. Не было в его работах той искры, той души... А гордость была, ох была... Он пытался жить так же широко, как при деде. Пирьы закатывал, жене вашей, матушке Елене, ткани заморские покупал... Чтобы никто, не дай бог, не подумал, что Волконские оскудели. В долги влезать начал.

«Классика, – подумал я. – Сын-наследник, который не смог в инновации, но очень хотел поддерживать имидж бренда. Вместо R&D все деньги уходили на маркетинг и корпоративы. Я видел эту историю в своей прошлой жизни десятки раз. Она никогда хорошо не заканчивается».

– А главным ростовщиком в нашей округе, – лицо Тихона помрачнело, и он даже понизил голос, – оказался боярин Медведев. Хитрый и жадный, как хорёк. Он с радостью давал вашему отцу в долг, да под такие проценты, что уму непостижимо. А потом... потом ваш отец, чтобы вернуть славу, решил выковать меч для княжеского турнира. Лучший меч

в княжестве. Взял у Медведева последний, самый большой залог. Год из кузни не выходил... Но меч подвёл. Сломался в первом же бою. Прямо на глазах у всего двора. Позор был страшный.

Я едва сдержал стон. «Он поставил всё на один прототип? Без тестирования, без контроля качества? И устроил публичную демонстрацию, которая закончилась провалом? Ох, папаша, папаша... Это же азы управления проектами!»

– Медведев тут же потребовал вернуть долг, – закончил Тихон, и в его голосе слышались слёзы. – А чем платить? Он забрал лучшие земли, скот... Боярин Демьян с горя запил. Сгорел за два года. А матушка ваша, боярыня Елена, таяла следом. Продавала последнее, чтобы вас сберечь... Прошлой зимой и её не стало.

В зале повисла тяжёлая тишина. История была рассказана. Диагноз поставлен. Я переваривал информацию, холодную и горькую, как вчерашний отвар.

– Долг... – спросил я, и мой голос прозвучал глухо. – Он выплачен?

Тихон медленно покачал головой.

Глава 4

Мы вернулись в кабинет отца. Пыльный, безмолвный, пропитанный запахом отчаяния. Рассказ Тихона всё ещё звенел у меня в ушах, но одно дело – слышать историю, и совсем другое – видеть сухие, безжалостные факты. Мой разум требовал данных, а не эмоций.

– Книга, Тихон, – сказал я, и мой голос в тишине кабинета прозвучал неожиданно твёрдо. – Ты говорил про долговую книгу. Я должен её увидеть.

Старик вздрогнул, словно я попросил его принести из подвала череп его покойного хозяина. На его лице отразился суеверный ужас.

– Господин, не надо... Ничего, кроме горя, в ней нет. Ваш батюшка над ней ночи напролёт сидел, только чернел лицом. Проклятая она...

– Тем более я должен её видеть, – настойчиво повторил я. – Я должен знать точный масштаб бедствия.

Тихон понял, что спорить бесполезно. Сгорбившись, он подошёл к массивному отцовскому столу. Поколебался секунду, а затем отодвинул тяжёлое кресло, опустился на колени и с кряхтением поднял одну из половиц. Под ней оказалась неглубокая ниша, выложенная камнем. Оттуда он извлёк её.

Книгу.

Он протянул её мне двумя руками, как нечто опасное, радиоактивное. Я взял её. Она была тяжёлой. Кожа на обложке потрескалась от времени и сухости, на углах истёрлась до основания, обнажая деревянную доску. Тиснённый герб рода Волконских – волчья голова и два перекрещенных молота – был почти неразличим. От книги пахло пылью, старой кожей и чем-то неуловимо печальным, как от давно покинутого дома. Это был не просто бухгалтерский журнал. Это был артефакт упадка. Надгробие целого рода.

– Я... я пойду, господин, – прошептал Тихон. – Дела по хозяйству...

Он не мог вынести даже вида этой книги. Он поклонился и тихо вышел, оставив меня наедине с призраками прошлого. Я сел за отцовский стол, положил перед собой этот фолиант и приготовился проводить финансовый аудит нашего семейного апокалипсиса.

Я открыл книгу. Первые страницы были плотными, чуть пожелтевшими, и были исписаны твёрдым, убористым, почти каллиграфическим почерком. Чернила, хоть и выцвели за десятилетия, всё ещё были легко читаемы. Вверху каждой страницы, как заголовок, стояло имя: «Боярин Волкон Волконский». Мой дед.

Я начал читать, и передо мной развернулась история процветающего, успешного предприятия.

Приход:

«Два парадных меча для личной гвардии Великого Князя

Святозара – 50 золотых».

«Комплект из трёх охотничьих ножей с рукоятями из оленьего рога для боярина Воронцова – 8 золотых».

«Кованые решётки для окон новой городской ратуши, по чертежам столичного зодчего – 15 золотых».

«Дюжина наконечников для стрел, сталь калёная, для княжеской псарни – 1 золотой».

Записи шли одна за другой. Заказы от высшей знати, от богатых купцов, от городской казны. Мой дед не разменивался на мелочи. Он работал в премиум-сегменте.

Расход:

Расходы тоже говорили о многом.

«Закупка шведского железа, два пуда, у ганзейских купцов – 10 золотых».

«Новая кожа воловья для больших мехов в кузнице – 2 золотых».

«Оплата двух подмастерьев, Ивана и Прохора, за месяц работы – 1 золотой».

«Закупка букового угля, десять мешков – 3 золотых».

Я читал это не как историю. Я читал это как бизнес-отчёт.

«Так, что мы имеем? – размышлял я, листая страницы. – Дед был не просто гениальным мастером. Он был чертовски хорошим генеральным директором. Чётко определил целевую аудиторию и нишу – дорогие, высококачественные изделия для элиты. Инвестировал в лучшие импортные материалы и расширение производственных мощностей. Управлял

персоналом. Судя по соотношению доходов и расходов, маржа прибыли была превосходной. Это было не просто ремесло. Это было высокодоходное, вертикально интегрированное предприятие. Bravo, дед. Пятёрка по экономике».

Примерно на середине книги всё изменилось. Изменился почерк. На смену чёткому и уверенному письму деда пришёл другой – размашистый, с щегольскими завитушками, но какой-то нервный, неровный почерк моего отца, Демьяна. И вместе с почерком изменилось всё остальное.

Я начал методично, страница за страницей, отслеживать это медленное пике в пропасть.

Сначала изменились расходы. Статьи «закупка материалов» и «оплата подмастерьев» стали появляться всё реже. Зато появились новые.

«Пир в честь именин боярыни Елены, моей супруги – 15 золотых».

«Покупка нового жеребца арабских кровей у заезжих купцов – 20 золотых».

«Новое шёлковое платье для супруги из столицы – 5 золотых».

«Неэффективное расходование средств, – диагностировал я. – Резкий рост непроизводственных, имиджевых затрат. Он пытался казаться богатым, а не быть им. Он тратил прибыль на поддержание статуса, а не на реинвестирование в бизнес. Классическая ошибка стартапа, который слишком рано поверил в свой успех».

Одновременно менялась и графа «Приход». Премияльные заказы исчезли. Видимо, качество изделий отца не дотягивало до уровня деда. Их место заняли мелкие, случайные подработки.

«Починка лемеха для старосты деревни – 5 серебряных».

«Заточка трёх кухонных ножей для трактирщика „Кривая кобыла“ – 2 серебряных».

«Новый засов на ворота соседу – 10 медяков».

Бизнес стремительно деградировал от элитного производства до дешёвой ремонтной мастерской.

А потом появилась она. Первая запись, сделанная дрожащей рукой: «Взял в долг у боярина Игната Медведева десять золотых до весны под „божеский“ процент».

Я увидел, как этот маленький, мутный ручеёк долга превращается в полноводную, грязную реку. Суммы росли. Появлялись новые записи, одна отчаяннее другой. «Взял ещё двадцать золотых у Медведева, чтобы отдать старый долг».

«Долговая спираль, – констатировал я. – Он пытался заткнуть дыру в бюджете новыми кредитами. Гасил проценты по старым займам, беря новые. Финансовая пирамида, построенная на одном человеке. Фатальная ошибка управления».

Затем началось самое печальное. Распродажа наследия.

«Продана серебряная посуда из приданого Елены – 10 золотых».

«Продана библиотека деда, все книги в кожаных переплё-

тах – 25 золотых».

«Проданы драгоценности боярыни Елены – 15 золотых».

Я буквально видел, как пустеют комнаты нашего дома. Это уже не было похоже на бизнес-отчёт. Это была история медленной, мучительной агонии, задокументированная в цифрах. И, несмотря на весь мой цинизм, я почувствовал укол жалости к этому человеку, моему новому отцу. К человеку, которого раздавило наследие его гениального родителя.

Я дошёл до последних страниц. Здесь почерк снова сменился. Он стал холодным, бездушным, юридически выверенным. Это уже не были записи. Это был официальный документ, договор, переписанный в книгу. Договор займа между «боярином Демьяном, сыном Волкона, из рода Волконских» и «боярином Игнатом, сыном Микулы, из рода Медведевых».

Сумма, указанная в договоре, заставила меня присвистнуть. Она объединяла все предыдущие долги и добавляла к ним новые, с какими-то совершенно драконовскими, ростовщическими процентами. Цель займа: «на закупку материалов и обеспечение работ для создания шедеврального меча для представления на Великом Княжеском турнире».

Я читал дальше, и волосы на моей голове, которой я пока не обзавёлся, начали шевелиться. Пункт о залоге. Он был прописан чётко и безжалостно.

«В случае невозврата полной суммы долга в указанный

срок, в полную и безраздельную собственность боярина Медведева переходит всё движимое и недвижимое имущество рода Волконских, включая боярскую усадьбу со всеми постройками, прилегающие земли и кузницу».

Всё. Подчистую.

И последняя строка. Дата окончательного возврата долга. Она была назначена ровно через месяц после дня семнадцатилетия наследника, Всеволода Волконского. То есть, на следующий день после того самого Испытания Совершеннолетия.

В этот момент вся картина сложилась в моей голове. Это была не просто серия неудач и плохих решений. Это была гениально разыгранная, многолетняя партия. Медведев не просто давал в долг. Он инвестировал в банкротство. Долг был лишь юридическим основанием.

Я захлопнул книгу. Глухой хлопок обложки прозвучал как выстрел в тишине кабинета. Теперь у меня был полный набор: трагическое прошлое, могущественный враг, кристально чистый мотив и смертельный дедлайн.

Катастрофа перестала быть грустным рассказом старика. Она стала документом. Фактом. Протоколом.

Моя рука инстинктивно сжала в кармане тяжёлую бронзовую печатку с волком и молотом. Долг – это проблема. Молот – это единственное возможное решение. И времени на то, чтобы найти это решение, у меня почти не осталось.

Я сидел в пыльном, промозглом кабинете своего покойно-

го отца, и холод исходил не только от каменных стен. Он шёл от пожелтевших страниц долговой книги, лежавшей передо мной на столе. Цифры, зафиксировавшие медленную агонию моего рода, казалось, высасывали из комнаты остатки тепла.

История, рассказанная Тихоном, больше не была просто грустной сказкой. Она была здесь, передо мной, в виде аккуратных записей о пирах, которые они не могли себе позволить, и о долгах, которые они не могли вернуть.

Всё было предельно ясно. Финансовый анализ был завершён. Диагноз: терминальная стадия банкротства. Но чего-то не хватало. В этой идеально выстроенной схеме по уничтожению моего рода был один недостающий элемент. Долг – это был юридический повод. Срок погашения, назначенный на следующий день после моего совершеннолетия, – это был спусковой крючок. Но каким был сам механизм? Как именно Медведевы собирались привести приговор в исполнение? Они же не могли просто прийти и вышвырнуть меня на улицу. Даже в этом, с позволения сказать, обществе должны быть какие-то законы. Какая-то процедура.

В комнату, неся маленькую масляную плошку, вошёл Тихон. Вечер сгущался, и кабинет погружался во мрак. Старик поставил светильник на стол, и его дрожащий огонёк выхватил из темноты моё лицо. Тихон вздрогнул. Видимо, выражение на моём лице было не самым жизнерадостным. Он увидел, что я смотрю на него в упор, и его взгляд забегал.

И тут я понял. Он знает. Он знает тот самый недостающий

элемент пазла, и ему страшно об этом говорить.

– Тихон, – сказал я тихо, но так, чтобы в голосе слышалась сталь. – Я всё прочитал. Я вижу долг. Я вижу срок. Но я не вижу конца этой истории. Что произойдёт через месяц, в день моего семнадцатилетия?

Старик поёжился.

– Да ничего особенного, господин... праздник... Испытание Совершеннолетия, как у всех боярских детей. Обычай... Не стоит вам об этом голову ломать. Вам отдыхать надо, силы копить.

– Силы? – я криво усмехнулся. – Для чего, Тихон? Чтобы с большим энтузиазмом встретить судебных приставов? Хватит. Я вижу, что ты боишься. И боишься ты не этих старых долгов. Ты боишься чего-то, что должно случиться скоро. Чего-то, о чём ты мне не рассказал.

Тихон начал бормотать что-то про старые кости и дурные предчувствия, но я его прервал. Я встал. Подошёл к нему вплотную и посмотрел ему прямо в глаза. Я был выше его на полголовы, но тоньше и слабее на целую жизнь. И всё же сейчас я был господином.

– Тихон. Больше ни слова лжи. Я – глава рода Волконских. Этот дом, эта земля, эти долги и этот позор – всё это теперь моё. И я имею право знать, какой именно топор занесён над моей шеей. Я приказываю тебе. Расскажи мне всё. Что такое «Испытание Совершеннолетия»?

Слово «приказываю» сломало его. Плечи старика опусти-

лись. Он посмотрел на меня взглядом, полным такой безысходной тоски, что мне стало не по себе. Он кивнул на единственное уцелевшее кресло отца и на скамью напротив.

– Присядемте, господин. Правда вам не понравится.

Мы сели. Тихон долго молчал, глядя на свои мозолистые, сцепленные в замок руки.

– Испытание Совершеннолетия – это древний обычай, – начал он глухим, безжизненным голосом. – Когда наследнику знатного рода исполняется семнадцать зим, он должен доказать, что из него вышел не просто отрок, а муж, способный защитить своё имя и свою землю. Обычно это просто для вида. Едут на охоту, убивают вепря. Или устраивают состязания в стрельбе, в борьбе. Все радуются, пируют, славят молодого боярича.

Он сделал паузу.

– Но есть в наших законах старая, пыльная оговорка. Для особых случаев. Если между двумя родами есть «неразрешённый спор чести», то Испытание может принять иную форму. Форму судебного поединка. Между молодыми наследниками. Чтобы, как говорят старики, «молодая кровь смыла грехи отцов».

Моё сердце пропустило удар. Я начал понимать.

«Судебный поединок... – пронеслось в голове. – То есть, узаконенная дуэль. Корпоративный спор, который решается не в суде, а на арене. Эффективно. И очень, очень жестоко».

– Боярин Медведев, чтоб ему пусто было, об этой оговорке не забыл, – продолжил Тихон, и в его голосе зазвучала ненависть. – Как только ваша матушка, боярыня Елена, представилась, он тут же подал прошение Великому Князю. Но он не стал требовать вернуть долг. О нет, он куда хитрее. Он заявил, что сам факт неоплаченного долга рода Волконских – это прямое оскорбление и пятно на чести его рода, рода Медведевых. И что этот «спор чести» может быть решён только кровью, как в старину. Поединком. Между тобой, последним из Волконских, и его сыном, Яромиром.

Я слушал, и холод расползлся по моим венам. Это была гениальная в своей подлости многоходовка.

– И Великий Князь... он согласился? – спросил я.

– А он не мог отказать, – вздохнул Тихон. – Таков обычай. Отказать Медведеву – значит пойти против традиций, на которых держится вся власть бояр. Князь лишь утвердил то, что требовал закон. Испытание назначено на день вашего семнадцатилетия. А оно... через два месяца. Ровно через два месяца.

Я откинулся на спинку кресла. Все части пазла встали на свои места. Долг, который невозможно выплатить. Срок погашения, идеально подогнанный под дату поединка. И сам поединок, представленный не как способ убийства, а как благородное «восстановление чести». Это была не просто ловушка. Это был шедевр юридической и политической механики. Идеально смазанный механизм для моего уничто-

жения.

«Они не просто хотят забрать наш дом, – с ледяной ясностью понял я. – Они хотят сделать это публично, унижительно, на моих собственных именинах. Это не просто бизнес. Это личное. Очень личное».

– Но это же убийство! – вырвалось у меня. – Они же знают, что я... – я запнулся, вспомнив свою роль, – что я болен, что я не готов! Яромир, он же... он же воин!

– Им это и нужно, господин, – с горечью ответил Тихон. – Им нужен не бой. Им нужен приговор, приведённый в исполнение на глазах у всех. И это ещё не всё. Самое страшное – это цена проигрыша.

Я посмотрел на него. Что может быть страшнее, чем быть показательно убитым на потеху толпе?

– Победитель в таком поединке, – объяснил старик, и его голос дрожал, – имеет право требовать сатисфакции. Возмещения. И Медведевы не будут просить денег, которых у нас нет. Они потребуют землю. По закону, если род проиграл «спор чести» в судебном поединке, победитель может забрать последнее «родовое гнездо» в уплату. Они вышвырнут нас отсюда, господин. Это конец. Полный и окончательный. Они заберут всё.

Вот оно. Финальный аккорд.

Вся картина сложилась. Это была не просто дуэль. Это была юридически безупречная процедура по отъёму последнего имущества и уничтожению рода Волконских навсегда.

Элегантная, одобренная обществом казнь.

Я опустил голову, закрывая лицо руками. На меня навалилась вся тяжесть этого мира – его жестокость, его несправедливость, его примитивная, звериная логика, обёрнутая в красивые слова о «чести» и «традициях». Впервые с момента моего странного пробуждения я почувствовал настоящее, беспримесное, глубинное отчаяние. Это была идеальная ловушка. И из неё не было выхода.

Тихон, видя моё состояние, молча поднялся и, сгорбившись, побрёл из кабинета, оставляя меня наедине с моим приговором.

Несколько долгих минут я сидел неподвижно, раздавленный этой новостью. Страх, гнев, обида на этот дикий, несправедливый мир. Но затем, сквозь бурю эмоций, начал пробиваться холодный, привычный голос моего внутреннего инженера.

«Стоп. Отчаяние – неэффективно. Эмоции – лишние переменные, вносящие погрешность в расчёты. Есть задача. Есть условия. Есть ограничения. Нужно найти решение».

Я поднял голову. Мозг заработал, раскладывая проблему по полочкам, как в проектной документации.

Задача: Избежать проигрыша в поединке. (Примечание: не обязательно «победить». «Не проиграть» – ничья, срыв поединка, дисквалификация противника – уже приемлемый результат).

Дано: Временной ресурс: Т-минус 60 дней. Моё тело: фи-

зические параметры на уровне офисного клерка в последней стадии авитаминоза. Боевые навыки: отсутствуют как класс. Мой главный ресурс: интеллект и знания из мира, где уже изобрели антибиотики и сопролат. Противник: сильный, тренированный, высокомерный (это – потенциальная уязвимость).

Ограничения: Нельзя отказаться. Нельзя сбежать.

Поиск решения: Прямое столкновение в текущих условиях = 100% проигрыш с последующим превращением в бездомного. Вывод: необходимо изменить условия уравнения. Невозможно увеличить переменную «Сила» до конкурентного уровня за 30 дней. Следовательно, необходимо ввести в уравнение новый множитель. Множитель «Технологическое превосходство».

Я встал. Подошёл к грязному окну. Мой взгляд был устремлён туда, где за зарослями крапивы темнел силуэт старой, заброшенной кузницы.

Камень, который Медведевы повесили мне на шею, никуда не делся. Он всё так же тянул ко дну.

Но теперь я решил не тонуть под его тяжестью. Я решил использовать его как первый камень в фундаменте своей обороны.

Я не воин. Я инженер.

И я приму этот бой на своих условиях.

Глава 5

Утро следующего дня не принесло облегчения. Наоборот, оно принесло холодную, трезвую ясность. У меня была проблема. Большая, злая, с мечом и, по всей видимости, с очень скверным характером. И у меня был дедлайн – примерно тридцать дней до того, как эта проблема лично явится по мою душу.

Я не стал паниковать. Паника – это для тех, у кого есть время на эмоции. У меня же был только тикающий таймер и гора неизвестных переменных. А любой хороший инженер знает: прежде чем приступить к решению задачи, нужно провести полную и безжалостную диагностику имеющейся системы. В данном случае, система – это я.

Я нашёл на заднем дворе вытоптанную площадку, рядом с которой из земли торчал обрубок бревна, испещрённый старыми, неглубокими царапинами. Местный фитнес-клуб. Тихон, который вынес мне кружку с тёплой водой, смотрел на меня с тревогой и робкой надеждой.

– Тренироваться будете, господин?

– Нет, Тихон, – ответил я, снимая верхнюю рубашу. Прохладный утренний воздух заставил кожу покрыться мурашками. – Я буду собирать данные. Прежде чем строить новую машину, нужно понять, почему старая не едет. Мне нужно понять, с чем придётся работать.

Старик, конечно, ничего не понял, но покорно кивнул и отошёл в сторону. А я мысленно открыл новый проектный файл.

«Проект: „Выживание 1.0“. Этап: „Оценка исходных параметров“. Задача: определить физические кондиции „объекта“ (тела) и тактико-технические характеристики штатного вооружения. Гипотеза: оба параметра находятся на уровне, несовместимом с жизнью в ближайшей перспективе. Необходимо получить количественные данные для дальнейшего планирования».

Этот отстранённый, почти роботизированный подход был моей единственной защитой от желания лечь на землю, свернуться калачиком и тихо ждать конца. Я сделал пару неуклюжих махов руками, пытаюсь размяться. Тело ответило скрипом и ноющей болью в мышцах, о существовании которых я и не подозревал. Что ж, диагностика началась.

Тест номер один: Сила.

Я решил начать с простого – отжимания. В прошлой жизни, в свои лучшие годы, я мог сделать раз тридцать, а если поднапрячься, то и сорок. Не бог весть что, но для инженера, проводящего жизнь за компьютером, – вполне приличный результат.

Я принял упор лёжа. И тут же понял, что дело дрянь. Мои руки дрожали под весом того, что трудно было назвать телом. Скорее, это была просто конструкция из кожи и костей с минимальным наполнением. Стиснув зубы, я согнул локти.

Опуститься вниз было легко – гравитация всегда на твоей стороне. А вот обратный путь...

С нечеловеческим усилием, чувствуя, как протестует каждая клетка, я выжал себя наверх. Один раз. Мой внутренний атлет требовал продолжения банкета. Моё новое тело вежливо, но твёрдо намекало, что банкет окончен. Второе отжимание далось мне с кряхтением и потемнением в глазах. На третьей попытке руки, эти предательские макароны, просто сложились, и я смачно ткнулся носом в пыльную землю.

Тест номер два: Выносливость.

Поднявшись и отряхнув с лица унижительную пыль, я решил проверить кардиосистему. Задача: пробежать один круг по периметру усадьбы. Метров четыреста, не больше.

Первые двадцать метров я даже почувствовал что-то вроде спортивного азарта. Но он быстро улетучился. Лёгкие, которые, видимо, не знали нагрузки тяжелее подъёма по лестнице, начали гореть. В правом боку закололо так остро, словно туда воткнули раскалённую спицу. К концу круга я уже не бежал, а ковылял, еле переставляя ноги. Перед глазамиплыли тёмные пятна. Я остановился, согнувшись пополам, и принялся жадно хватать ртом воздух, издавая звуки, похожие на работу сломанного насоса. Вкус пыли смешивался с привкусом крови. Сердце колотилось где-то в горле, оглушая.

Я стоял так, наверное, минуту, ощущая весь комизм ситуации. Мой разум, который знал, что такое беговая дорожка,

ка и утренняя пробежка, был заперт в теле, которое считало подъём с кровати серьёзной кардионагрузкой.

«Данные получены, – констатировал я про себя, выпрямляясь. – Мышечная сила – на уровне атрофии. Кардиовыносливость – практически отсутствует. Тело не просто нетренированное, оно ослаблено хроническим недоеданием и, возможно, последствиями недавней болезни. Вывод: план тренировок в стиле Рокки Бальбоа отменяется. За оставшийся месяц я, может быть, научусь отжиматься раз пять. Если очень повезёт».

Переведя дух, я взялся за «штатное вооружение». У столба стоял тренировочный меч. Он обладал весом и балансом небольшого лома, который кто-то безуспешно пытался расплющить. Я взял его в руки.

Я попытался вспомнить боевые стойки, которые смутными образами всплывали в моей памяти. Встав в некое подобие основной стойки, я тут же её проанализировал с точки зрения биомеханики. *«Центр тяжести смещён назад – нестабильно. Ноги слишком широко расставлены – никакой мобильности. Позиция статичная, рассчитанная на то, чтобы принять удар и, скорее всего, умереть».*

Я сделал несколько базовых ударов. Удар шёл от плеча, а не от корпуса. Огромная потеря энергии. Траектория широкая, предсказуемая, как восход солнца. Любой, кто хоть немного понимает в физике, мог бы уклониться от такого удара, сходить за пивом, вернуться и всё равно успеть контр-

атаковать.

В моей прошлой жизни я увлекался НЕМА – историческим фехтованием. Так, на уровне любителя. Но даже этих знаний хватало, чтобы понять: то, что здесь называли боевым искусством, было просто системой для ожесточённой драки. Где работа корпусом? Где правильная постановка кисти? Где футворк? Они дрались не мечами, а заточёнными железками, и вся их тактика сводилась к одному принципу: кто сильнее, тот и прав. А я, как мы уже выяснили, сильным не был.

Я представил себе удар Яромира. Мощный. И представил, как я пытаюсь его заблокировать, как это сделал бы местный воин. Просто подставить свой клинок. Вся сила удара придётся на моё хилое запястье и предплечье. «Результат: новый, не предусмотренный анатомией сустав в предплечье, а мой меч летит знакомиться с птичками. Перспектива так себе».

Я прекратил махать этим недоразумением и решил изучить его как следует. Как инженер и металлург.

Тактильный анализ: баланс был ужасен. Центр тяжести находился так далеко от рукояти, что меч ощущался вдвое тяжелее, чем он есть. Лезвие было неровным, с зазубринами.

Проверка материала: я провёл по кромке ногтем большого пальца. Тупая, как все мои перспективы. Я попробовал старый тест на твёрдость – надавить лезвием на ноготь. Хорошая закалённая сталь оставила бы царапину. Это «оружие»

просто соскользнуло.

«Сыромятина, – вынес я вердикт. – Просто кусок мягкого железа, которому придали форму меча. Ни закалки, ни отпуски. Содержание углерода – на уровне погрешности. Это не оружие. Это оскорбление самой идеи холодного оружия».

Но мне нужен был финальный, наглядный тест. Я подошёл к тренировочному столбу. Я не стал бить со всей дури. Я сделал один, точный, выверенный удар под углом в сорок пять градусов, вкладывая в него не силу мышц, а вес тела.

Раздался глухой, вязкий, совершенно не героический звук «ТУК!».

Меч не отскочил от дерева. Он в нём застрял. Я с усилием вытащил его. На лезвии была глубокая зазубрина. Но самое смешное было не это.

Клинок был заметно изогнут. Он принял форму банана.

Я стоял посреди двора. Дыхание сбито, мышцы ныли. В руке я держал изогнутый, бесполезный кусок металла.

Я посмотрел на этот жалкий обрубок. Потом на свои тонкие, дрожащие руки.

Картина была ясна. Данные собраны. Анализ проведён. Вывод однозначен и обжалованию не подлежит.

Если я пойду по пути воина, если я выйду на поединок с этим телом и этим оружием – я труп. Не просто проигравший, а мертвец с раздробленными костями и посмертным счётом за порчу инвентаря. Холодное, математически выверенное отчаяние накрыло меня с головой. Это было дно. Аб-

солютный ноль.

И с этого дна, как я знал из законов физики, был только один путь. Наверх.

Мой взгляд медленно оторвался от погнутого меча и устремился к каменному зданию на краю усадьбы. К давно остывшей кузнице.

Путь воина для меня был закрыт.

Значит, пора было открывать путь инженера.

Я стоял посреди вытоптанного двора. В руке – изогнутый, бесполезный кусок железа, который когда-то был тренировочным мечом. Аналитическая часть моего сознания, та, что холодно и методично проводила диагностику, завершила свою работу и с чувством выполненного долга ушла на покой. На её место, как цунами после землетрясения, обрушилась эмоциональная лавина.

Осознание.

Не просто умозрительное, а физическое, прочувствованное каждой клеткой этого слабого тела. Данные были собраны. Выводы сделаны. Вердикт был окончательным и обжалованию не подлежал: я был трупом. Ходячим, дышащим, но уже приговорённым трупом.

Я разжал пальцы. Погнутый меч с глухим, жалким стуком упал в пыль. Ноги подогнулись, и я отшатнулся назад, пока моя спина не упёрлась в холодную, шершавую стену сарая. Я медленно сполз по ней на землю. Дыхание перехватило, словно из лёгких выкачали весь воздух.

«И это всё? — пронеслась в голове мысль, лишённая всякой иронии, только чистый, незамутнённый ужас. — Это шутка? Какая-то космическая, садистская, совершенно идиотская шутка? Я пережил имплозию в лаборатории, пролетел через это безумное небытие... только для того, чтобы меня, как поросёнка на ярмарке, зарезал какой-то средневековый качок на потеху местной публике? В чём смысл? В чём логика?!»

Я чувствовал не просто страх, а острую, всепоглощающую, до тошноты несправедливость. Я, носитель знаний, которые могли бы перевернуть этот мир, построить здесь паровой двигатель, выплавить нержавеющей сталь, объяснить им основы гигиены, в конце концов... и должен был погибнуть в ритуальной драке из-за долгов человека, которого я никогда не знал, и чьё тело я по какой-то злой иронии теперь занимал.

После первой волны горячего, панического отчаяния мой мозг, мой единственный настоящий актив в этом мире, инстинктивно начал делать то, что умел лучше всего: работать. Он переключился с бессмысленного вопроса «Почему я?» на практический вопрос «Как отсюда выбраться?». Страх никуда не делся, но теперь он стал топливом для лихорадочного поиска решения. Я начал рассматривать побег как инженерную задачу, перебирая варианты с холодной методичностью.

Вариант А: Физическое устранение с театра военных действий. Проще говоря — побег.

Самый очевидный. Ночью, под покровом темноты, взять узелок с хлебом, попрощаться с Тихоном и уйти куда глаза глядят.

Анализ: Куда именно глядят глаза? Я открыл свою мысленную карту этого мира. Она была пуста. Я не знал ни географии, ни политической обстановки. Куда бежать? На север? На юг? Где города, где леса, где дороги, а где владения других таких же гостеприимных бояр, как Медведевы? Язык я понимал благодаря остаточным файлам в памяти Всеволода, но говорил ли я без акцента? Неизвестно. Денег у меня было ровно ноль. Навыков, полезных для выживания в дикой природе – ещё меньше. Я был городским жителем до мозга костей. Мой единственный полезный навык здесь – это знание термодинамики и сопромата. Сомневаюсь, что это поможет мне добыть еду или отбиться от разбойников, которые, я был уверен, в этом мире водились в изобилии. И, наконец, моя физическая форма. Я выдохнусь через два километра и стану лёгкой добычей для первого же волка. Или для людей Медведева, которых он, без сомнения, отправит по моим следам, чтобы показательно вернуть беглого должника и устроить ещё более унижительную казнь.

Вывод по Варианту А: Побег – это не спасение. Это просто другой, более медленный и унижительный способ умереть. От голода, от холода или от ножа первого же бандита. Вариант отклонён как абсолютно неэффективный.

Вариант Б: Дипломатическое урегулирование.

Пойти на поклон. Упасть в ноги боярину Медведеву. Или, чем чёрт не шутит, самому Великому Князю. Рассказать о своей болезни, о своей немощи, умолять о пощаде.

Анализ: Что я могу им предложить взамен? Свою лояльность? Она ничего не стоит. Свои знания? Они сочтут меня сумасшедшим. Мольбы о пощаде в этом мире, построенном на силе и чести, будут восприняты как крайняя степень трусости. Это лишь усугубит позор моего рода и даст Медведевым ещё больше оснований для презрения. Они не хотят решения проблемы. Они хотят публичного триумфа, который закрепит их статус и унизит память Волконских. Просить их о пощаде – всё равно что просить акулу не есть тебя, потому что у тебя плохое настроение.

Вывод по Варианту Б: Противник не заинтересован в переговорах. Дипломатический путь закрыт. Вариант отклонён.

Вариант В: Юридическое противодействие.

Попытаться оспорить законность поединка. Подать апелляцию.

Анализ: На каком основании? Я не знаю местных законов и обычаев. Судя по рассказу Тихона и логике вещей, всё было сделано формально правильно. Поединок назначен самим Князем в соответствии с древней традицией. Любая попытка оспорить его решение будет воспринята не как юридический спор, а как прямое оскорбление верховной власти. Последствия такого шага, скорее всего, будут ещё хуже, чем

поражение в дуэли.

Вывод по Варианту В: Пытаться бороться с их юридической системой – это как пытаться взломать программу, не имея доступа к исходному коду и не зная языка программирования. Вероятность успеха – ноль. Вероятность усугубить ситуацию – сто процентов. Вариант отклонён.

Я сидел на земле, методично, один за другим, перебрав и отбросив все возможные варианты. И с каждой отвергнутой возможностью стены ловушки сжимались всё плотнее. Я пришёл к одному, простому и ужасающему выводу.

Выхода нет.

Ловушка захлопнулась. Поединок неизбежен. Моё поражение – неизбежно. Моя смерть или полное, окончательное разорение – неизбежны.

И в этот момент на меня обрушилась вторая волна отчаяния. Она отличалась от первой. Это была не горячая, паническая атака. Это была холодная, чёрная, всепоглощающая пустота. Отчаяние инженера, который провёл все расчёты, проверил все данные и получил на выходе ноль. Абсолютный ноль. Нет решения. Задача нерешаема в заданных условиях.

Солнце начало садиться, окрашивая небо в кроваво-красные, багровые тона. Я сидел неподвижно, глядя в пустоту. Я был разбит. Полностью и окончательно. Все мои знания, весь мой интеллект оказались бесполезны перед лицом примитивной, жестокой и неотвратимой реальности.

Ко мне подошёл Тихон. Он видел всё по моему лицу. Он

не стал говорить банальностей про веру и надежду. Он не сказал «я же предупреждал». Он просто сел рядом на землю, подложив под себя старую мешковину. Достал из-за пазухи кусок чёрного хлеба, разломил его пополам и молча протянул мне одну половину.

Простое, человеческое движение, которое в этот момент значило больше, чем все слова на свете. Молчаливая поддержка. «Я здесь. Я с тобой до конца. Каким бы этот конец ни был».

Я машинально взял хлеб. Вкус его не чувствовал, сидел в темноте своего отчаяния, и не было ни одной искры, ни одного лучика света. Все пути вели в пропасть. Я был заперт.

Сидел так долго. Ночь опустилась на усадьбу. Вышла луна, заливая двор холодным, мёртвенным светом. Тихон всё так же сидел рядом, молчаливый и верный, как старый пёс.

И в этой тишине, в этой пустоте, в этой точке абсолютного нуля, когда мой разум уже перестал искать выходы и просто смирился с неизбежным, что-то произошло.

Моя рука, бесцельно лежавшая на земле, наткнулась на что-то твёрдое и холодное в кармане моих штанов. Я машинально вытащил это.

На моей ладони в лунном свете тускло блеснула бронзовая печатка, которую я нашёл в кабинете отца. Герб моего нового рода. Оскаленный волк и два перекрещенных молота.

Я смотрел на этот простой символ. Волк. Хищник. Сила. У меня её не было.

И молот.

Не меч. Не щит. Молот. Инструмент. Инструмент, который не разрушает. Он созидает. Он придаёт бесформенному куску металла новую форму, новые свойства, новую жизнь.

И в этот момент, в самой глубокой точке моего отчаяния, в моём мозгу, который уже отказался от поисков, что-то щёлкнуло. Вопрос, который я себе задавал – «Как мне победить как воин?» – был неверным. Он исходил из ложных предпосылок. Я не воин.

Я смотрел на печатку в своей руке. Изображение молота казалось почти объёмным в свете луны. В моей голове родилась новая, безумная, совершенно нелогичная, но единственная оставшаяся мысль.

«Если я не могу победить телом воина... может быть, я смогу победить руками кузнеца?»

Это ещё не была надежда. Надежда – слишком сильное слово. Это была лишь гипотеза. Самая слабая искра в непроглядной тьме. Но она была.

Мой взгляд медленно оторвался от печатки и устремился к тёмному, молчаливому силуэту кузницы на фоне ночного неба.

***Друзья, если понравилась книга поддержите автора лайком, комментарием и подпиской. Это помогает книге продвигаться. С огромным уважением, Александр Колючий.*

Глава 6

Утро после ночи отчаяния было другим. Воздух казался чище, свет – резче. Пустота в груди, оставшаяся после того, как я методично уничтожил все пути к отступлению, начала заполняться. Не надеждой, нет. До неё было ещё как до Луны. Она заполнялась холодной, злой, инженерной решимостью. У меня появился План. Безумный, почти невыполнимый, но План. А любой план начинается с рекогносцировки.

Я нашёл Тихона во дворе. Он латал старое ведро, и в его движениях была вся скорбь мира.

– Тихон, – сказал я, и мой голос прозвучал на удивление твёрдо. – Мы идём в поселение.

Старик вздрогнул и выронил молоток. Он посмотрел на меня с ужасом, словно я предложил ему добровольно сунуть голову в пасть льву.

– Господин, не надо! – зашептал он. – Зачем вам это? Снова их насмешки слушать? Их презрение видеть? Не ходите, прошу вас!

– Именно поэтому и пойду, – спокойно ответил я. – Но не для того, чтобы слушать насмешки. Я иду с определённой целью. Я должен провести разведку на местности. Оценить обстановку, людей, доступные ресурсы. Понять, насколько сильна хватка Медведевых. Это не прогулка, Тихон. Это сбор данных.

Старик ничего не понял про сбор данных, но уловил в моём голосе незнакомые ему нотки. Это была не бравада и не отчаяние. Это была деловая необходимость. Он долго смотрел на меня, потом тяжело вздохнул, поднял свой молоток и покорно кивнул.

Мы пошли. Я – в своей лучшей (то есть, наименее дырявой) рубашке. Он – сгорбившись, словно заранее принимая на себя все будущие оскорбления. Мы шли не за покупками. Мы шли на войну. Пока что – в разведку.

По мере приближения к поселению я начал ощущать, как меняется атмосфера. Тишина нашей заброшенной усадьбы сменилась сначала отдалённым гулом, а потом и полноценным шумом деревенской жизни. Мы вошли на рыночную площадь.

Это был центр их маленькой вселенной. Грязный, оживлённый, пахнущий навозом, свежеиспечённым хлебом, сырой кожей и кислым пивом из таверны. Кричали торговцы, мычали коровы, визжали дети, гонявшие по площади облезлую собаку. Обычная, нормальная, кипучая жизнь.

И как только мы ступили на эту площадь, эта жизнь вокруг нас начала замирать.

Это было странное, почти физически ощутимое явление. Словно вокруг нас образовался невидимый пузырь тишины и отчуждения. Люди, которые секунду назад громко смеялись, при нашем приближении замолкали и с преувеличенным интересом начинали разглядывать облака. Торговцы,

зазывавшие покупателей, вдруг умолкали и отворачивались. Женщины, сплетничавшие у колодца, прекращали разговор и провожали нас долгими, косыми взглядами.

Я видел в этих взглядах всё. Презрение мужчин, считавших меня слабаком и позором рода. Брезгливую жалость женщин, видевших во мне агнца, которого ведут на заклание. И под всем этим – страх. Простой, животный страх.

«Они боятся не меня, – с холодной ясностью понял я. – Они боятся Медведевых. Их власти. Их гнева. Быть замеченным в дружеской беседе со мной – значит навлечь на себя неприятности. Я – ходячая проблема. Прокажённый. Моя бедность и слабость – это заразная болезнь, которой все здесь панически боятся сторониться».

Это осознание было неприятным, но невероятно полезным. Оно очертило границы моего одиночества. Я был на острове. И рассчитывать я мог только на себя и на этого старика, который шёл рядом, выпрямив спину и глядя прямо перед собой, как на параде.

Но я пришёл сюда не за сочувствием. Я пришёл за информацией. И мой мозг жадно впитывал всё, что видел.

Первая остановка – местная кузница. Она стояла на краю площади, и из неё доносился ленивый стук молота. Я замедлил шаг и заглянул внутрь. Картина была удручающей. Маленький глиняный горн с одним соплом. Простые, однокамерные мехи, которые давали слабый, прерывистый поток воздуха. Сам кузнец, потный, грузный мужик, лениво тюкал

молотком по раскалённой полосе железа, пытаясь выковать то ли серп, то ли какой-то вопросительный знак.

«Низкая эффективность, – автоматически отметил мой мозг. – Огромные потери тепла. Нестабильная температура. Геометрия изделия нарушена. Это не конкурент. Это наглядное пособие „Как не надо работать“. Технологический уровень – каменный век металлургии. Это хорошо. Это очень хорошо».

Мы пошли дальше. Лавка торговца. Я мельком взглянул на товары. Несколько мешков с древесным углём (цена – грабительская). Куча ржавого металлолома (качество, я был уверен, отвратительное). Несколько мотков верёвки, дешёвая глиняная посуда. Я запомнил цены. Это дало мне базовое понимание местной экономики. И подтвердило мой вывод: всё, что мне нужно, придётся делать самому.

Мельница. Большое колесо, которое лениво вращала вода из запруды. Источник энергии. Потенциально полезный объект. Я отметил её расположение.

Таверна. У входа, на грубых скамьях, сидела компания из нескольких крепких мужиков. Они громко смеялись, пили пиво и играли в кости. Судя по тому, как почтительно с ними разговаривал хозяин таверны, это были люди Медведевых. Их присутствие здесь, в самом центре общественной жизни, было демонстрацией власти. Они были негласными хозяевами этого места.

Я собрал достаточно данных. Пора было уходить.

Когда мы уже покидали площадь, направляясь обратно к своей заброшенной усадьбе, я заметил её. Девочку лет пятнадцати, которая вышла из дверей мельницы с двумя ведрами. Она была худенькой, с длинной русой косой и серьёзными, внимательными глазами. Она увидела меня, и наши взгляды на мгновение встретились.

Я ожидал увидеть в её глазах то же, что и у всех – презрение, жалость или страх. Но увидел другое. Простое, чистое, незамутнённое любопытство. Взгляд человека, который не судит, а наблюдает. Она не отвела глаза, как другие. Она просто смотрела на меня секунду, а затем, словно опомнившись, чуть покраснела, опустила взгляд и поспешила к колодцу.

Этот короткий, молчаливый обмен взглядами был как глоток чистого воздуха в этой душной атмосфере всеобщего осуждения. Он ничего не менял по сути, но давал понять, что даже в этом враждебном мире не все были одинаковы.

Мы шли домой молча. Но это было другое молчание. Теперь я не чувствовал себя жертвой. Я чувствовал себя разведчиком, который успешно вернулся с задания.

Я вернулся в свою крепость. В свою усадьбу. Да, она была бедной и разрушенной. Но она была моей. Она была моим укрытием. И враждебность деревни, которую я только что ощутил, больше не казалась личным оскорблением. Она стала просто внешним параметром. Фактором, который нужно учитывать в моих расчётах.

Я посмотрел на тёмный, молчаливый силуэт кузницы. Ре-

когносцировка была завершена. Данные собраны. Я знал, что я один против всех. Я знал, что помощи ждать неоткуда. И я знал, что технологически они находятся в каменном веке по сравнению со мной.

Моё одиночество было моей главной уязвимостью. И моим главным оружием.

Следующим шагом было превратить это оружие в нечто материальное. В сталь.

Глава 7

Вечер опускался на усадьбу, окрашивая облезлые стены дома. Я сидел за большим столом в пустой, гулкой зале. Атмосфера была напряжённой. Унижение, пережитое в деревне, всё ещё горело где-то под рёбрами, как непрогоревшая изжога. Но оно уже не парализовывало. Ярость, смешанная со страхом, прошла через мой внутренний процессор и на выходе превратилась в холодный, кристаллический расчёт.

Я не поддавался эмоциям, после сбора полевых данных, обрабатывал информацию. Раскладывал всё по полочкам в своей голове.

Итак, что мы имеем?

Угроза: Род Медведевых, в лице боярина Игната и его сына-переростка Яромира, контролирует здесь всё. Не только финансово, через долги, но и социально. Они создали вокруг меня и моей усадьбы полную изоляцию, «психологический карантин». Любой, кто окажет мне услугу или просто заговорит со мной, рискует навлечь на себя их гнев. Прямое столкновение с ними или поиск союзников в деревне – исключены. План провальным.

Ресурсы: Денег нет. Купить что-либо невозможно. Все необходимые ресурсы – топливо, металл, инструменты – нужно либо найти на этой заброшенной территории, либо создать с нуля.

Слабое место противника: Но я видел их кузнеца. Я видел их технологии. Они в каменном веке. Их сила – в грубом давлении, в количестве золота и людей. Мой единственный шанс – в качестве. В создании чего-то, что они не смогут ни понять, ни повторить, ни противопоставить этому что-либо равное по эффективности.

Мой взгляд упал на мои руки, лежащие на столе. Бледные, тонкие, с длинными пальцами. Не руки воина. Но это были руки инженера. И в этот момент я пришёл к холодному, логичному и единственно возможному выводу.

«Прятаться в этом доме бессмысленно. Тренировать это тело, чтобы сравняться силой с Яромиром, – пустая трата времени. Единственный путь – асимметричный ответ. Я не могу стать сильнее их. Но я могу стать умнее. Я не могу выставить против их войска свою армию. Но я могу выставить одного солдата, вооружённого, условно говоря, лазерной винтовкой против их дубин. И моя „лазерная винтовка“ – это мои знания. А место, где я могу её создать, в этой усадьбе только одно».

Я встал. Скрип старого кресла эхом разнёсся по пустому залу. Тихон, который сидел в углу и чинил старую кожаную упряжь, поднял на меня встревоженный взгляд.

– Тихон, – сказал я, и мой голос прозвучал твёрдо и спокойно. – Мы идём. В кузницу.

Путь от жилого дома к кузнице, стоявшей на отшибе, был недолгим, но красноречивым. Тропа, некогда, видимо, ши-

рокая и утоптанная, почти полностью заросла высокой, по грудь, крапивой и цепким репейником. Они цеплялись за мою одежду, жалили ноги сквозь тонкие штаны. Я шёл, не обращая на это внимания, но каждый укол был как напоминание о годах забвения, в котором пребывала самая важная часть этого поместья.

Тихон плёлся за мной, кряхтя и отводя ветки.

– Ваш батюшка, боярин Демьян, это место не жаловал, – с грустью сказал он, словно прочитав мои мысли. – Он хотел быть знатным господином, как все. Пирь, охота, богатые одежды. А кузница... она пахла работой. Потом и сажей. Он считал, что это удел простолюдинов, а не его, сына великого Волкона. Стыдился своего же наследия.

«Стыдился... – подумал я с холодной злостью. – Он стыдился того единственного, что делало его род великим. Пытался быть стандартным, шаблонным аристократом, вместо того чтобы развивать своё уникальное преимущество. Фатальная ошибка в стратегии развития бренда».

– А дед ваш... он был другим, – с теплом в голосе продолжил Тихон. – Он не стыдился ни сажи, ни пота. Он гордился своим ремеслом. Говорил, что земля может не уродить, а князь – впасть в немилость, но умелые руки и знающая голова всегда прокормят. Он мог сутками отсюда не выходить. К нему гонцы от самого Князя приезжали, ждали часами у ворот, пока он заказ не закончит. Говорили, он не просто ковал, он с металлом разговаривал.

Я слушал молча. История деда находила во мне странный, почти мистический отклик. Я тоже верил не в статус, а в знание и умение.

Тропа вывела нас на открытое место. И я впервые увидел кузницу вблизи. Я ожидал увидеть покосившийся деревянный сарай, похожий на остальные постройки. А увидел... крепость.

Это было приземистое, массивное строение, сложенное из крупных, грубо отёсанных, но идеально подогнанных друг к другу тёмных, почти чёрных от копоти камней. Оно вросло в землю, стало частью холма. Стены были толстыми, основательными, с узкими, как бойницы, окнами под самой крышей. Сама крыша была покрыта не соломой, которая давно бы сгнила, а тяжёлой каменной плиткой-сланцем. Она прохудилась во многих местах, из щелей пробивался мох, но основа её была цела.

И над всем этим, как дозорная башня, возвышался огромный каменный дымоход.

Мой взгляд сразу отметил детали, которые простой человек упустил бы.

«Капитальное строение, – подумал я с уважением. – Ни какой экономии на материалах. Прочный каменный фундамент, стены в два локтя толщиной. Строили на века, с пониманием дела. Это не просто сарай. Это промышленный объект, рассчитанный на постоянную, высокотемпературную работу. Человек, который это строил, думал о буду-

щем».

От здания исходила аура забытой, дремлющей силы. Оно пережило взлёт рода, пережило его позорное падение и теперь молчаливо ждало, покрытое мхом и плющом, как древний дракон в своей пещере. В отличие от жилого дома, который кричал о нищете и упадке, кузница молчала о былом могуществе.

Мы подошли к главному входу. Дверь была под стать всему зданию. Массивная, из толстых дубовых досок, скреплённых широкими полосами кованого железа, которые полностью покрылись оранжевой коркой ржавчины.

И она была заперта. На мощный пробой, вбитый в дверной косяк, было накинута ухо огромного, тоже ржавого, амбарного замка. Это был символ забвения, замок, который повесил мой отец на наследие моего деда.

– Заперто, – с горечью констатировал Тихон. – Ключ уж и не найти, поди, за столько лет...

Я подошёл ближе. Замок был примитивной конструкции, но ломать его голыми руками было бессмысленно. Искать лом или рычаг? Это заняло бы время. Я начал осматривать всю систему запираения, как инженер, ищущий слабое звено. Замок был крепким. Петли вросли в камень. Дверь тоже не поддастся. Но вот сам пробой... та железная скоба, за которую цеплялся замок... Я увидел то, что искал. Металл у основания скобы, там, где она входила в дерево косяка, истончился от ржавчины. Десятилетия под дождём и снегом сде-

ляли своё дело. Это была точка отказа.

Я не сказал ни слова. Огляделся, нашёл на земле большой, увесистый камень, который едва мог поднять. Затем подобрал другой, поменьше, с острым краем – моё импровизированное зубило.

Я приставил острый край камня к основанию пробоя и со всей силы ударил по нему большим камнем. Раздался глухой удар. Боль пронзила мою ладонь, но я проигнорировал её. Я ударил снова. И снова. Это была изнурительная, тупая, яростная работа. Я не останавливался. В каждом ударе было моё отчаяние, моя злость, моя последняя, безумная надежда. Первые удары были неточными, несколько раз попал по пальцам, но потом приноровился. Чувствовал, как ноют мышцы спины и рук, как каждый удар отзывается болью во всём теле.

«Давай же, – шептал я сквозь зубы. – Ломайся, тварь».

Спустя десяток ударов, когда я уже почти выдохся, раздался громкий, скрежещущий треск. Ржавый металл не выдержал. Пробой отломился у самого основания. Огромный замок вместе с ним с грохотом упал на землю, подняв облачко пыли.

Путь был свободен.

Я стоял перед дверью, тяжело дыша. Руки дрожали от напряжения, ладонь кровоточила и горела огнём. Я победил. Победил кусок ржавого железа. Первая победа в этом мире. Ощущалась она неоднозначно.

Я посмотрел на Тихона. Старик смотрел на сломанный засов с широко открытыми глазами, в которых смешались страх и изумление. Он, видимо, не ожидал от меня такой разрушительной решимости.

Затем я повернулся обратно к тёмному, безмолвному проёму. Из щели потянуло холодом, запахом остывшей золы, металлической пыли и забвения. Я чувствовал смесь трепета и мощного, почти магнетического притяжения. Это было оно. Ответ на мой отчаянный, безумный вопрос был там, за этой дверью. Либо там была просто гробница, набитая ржавым хламом и несбывшимися надеждами, что окончательно похоронит мою идею. Либо там была лаборатория. Мастерская. Мой единственный шанс.

Я положил свою разбитую, саднящую ладонь на массивное кованое кольцо, которое служило ручкой. Сделал глубокий вдох, вдыхая пыльный, холодный воздух из приоткрытой щели.

И толкнул.

Дверь, протестуя и скрипя, как столетний старик, которого потревожили, начала медленно поддаваться, открывая в мир полоску абсолютной, манящей и пугающей темноты.

Решение было принято. Я шагнул через порог, в святилище своего предка.

Тяжёлая дубовая дверь поддалась моему последнему, отчаянному толчку с протяжным, могильным скрипом, который, казалось, потревожил двадцатилетний сон этого места.

Я сделал шаг через порог, из угасающего света вечера в почти абсолютную темноту. Тихон, помедлив секунду, шагнул следом. Дверь за нашими спинами медленно качнулась обратно и с глухим, финальным «БУМ!» захлопнулась, отсекая нас от остального мира.

Мы оказались в гробнице.

Первое, что ударило в нос – запах. Густой, сложный, почти осязаемый. Запах остывшей золы, вьёвшейся в камни за сотни плавок. Запах металлической окалины и острой, кислой ржавчины. Запах сырости, идущий от тёмных углов, и мышинового помёта. Но под всем этим, как призрак, витал едва уловимый, тонкий аромат раскалённого металла – память, впитавшаяся в сами стены.

Сначала царил мрак. Затем мои глаза начали привыкать. Свет едва пробивался сквозь затянутые вековой грязью и плотной, как войлок, паутиной окна, расположенные высоко под самой крышей. В этих тусклых, косых лучах, как в заброшенном соборе, висели серые, тяжёлые саваны паутины, соединяя могучие потолочные балки с остывшим оборудованием. И в этом призрачном свете начали проступать очертания гигантских, тёмных силуэтов, похожих на спящих доисторических чудовищ.

Я чувствовал странную смесь благоговения и уныния. Это место было построено с невероятным размахом, с титанической амбицией. Это был не просто сарай. Это был храм, посвящённый богу огня и стали. И, как и положено древнему

храму, он был полностью разграблен и осквернён временем.

«Я чувствую себя археологом, вошедшим в гробницу фараона, – подумал я с мрачной иронией, – только чтобы обнаружить, что расхитители уже вынесли всё золото, оставив лишь тяжёлые каменные саркофаги».

– Господи, помилуй, – прошептал рядом Тихон, его голос был полон ужаса. – Да тут... тут и не разобрать ничего.

– Дай огня, – тихо скомандовал я.

Старик, чиркая огнивом, с третьей попытки зажёг припасённую лучину. Дрожащий огонёк выхватил из мрака отдельные детали, подчёркивая и усугубляя масштаб запустения.

Первоначальный эмоциональный порыв прошёл, уступая место привычной профессиональной деформации. Я перестал быть испуганным наследником. Я стал инженером, проводящим аудит заброшенного промышленного объекта. Я начал свой методичный обход.

Объект номер один: Горн.

Он был сердцем этого места, его главным алтарём. Огромный, сложенный из тёмного, обожжённого камня, он занимал центральную часть кузницы. Я обошёл его кругом, оценивая качество каменной кладки. Затем заглянул в его холодное, тёмное жерло. Футеровка – внутренний слой кирпичей, защищающий камень от жара, – осыпалась, превратившись в красную труху. Я ковырнул её пальцем, и она рассыпалась. Я заметил несколько сопел для подачи воздуха,

фурм, расположенных на разных уровнях.

«Основание – монолит, – заключил я. – Построено на совесть. Но вся внутренняя часть – под полную замену. Это как двигатель с треснувшим блоком цилиндров. Требуется капитальный ремонт. Но сама станина – превосходна. А эти несколько фурм... интересное решение. Говорит о попытках контролировать температуру в разных зонах. Дед был не так прост, как можно было подумать».

Объект номер два: Наковальня.

Рядом с горном, как верный, нестигаемый страж, стояла она. Главная наковальня. Она была огромной, гораздо больше тех, что я видел в музеях. Её дубовая колода-основание намертво вросла в утоптаный земляной пол, став с ним единым целым. Вся поверхность была покрыта толстым слоем оранжевой, рыхлой ржавчины.

Я подошёл к ней с чувством, похожим на благоговение. Провёл рукой по её поверхности. Пальцы ощутили холод и грубую, шершавую фактуру коррозии. Я смахнул слой грязи и пыли с боковой поверхности. И увидел его. Клеймо мастера. Плохо различимое, забитое ржавчиной, но узнаваемое: оскаленная волчья голова и два перекрещенных молота. Герб рода Волконских. Это был прямой, физический контакт с моими предками, с тем самым Волконом, чья слава гремела по всему княжеству.

Я провёл рукой по рабочей поверхности, по «лицу» наковальни. В центре был замечен плавный, выработанный го-

дами прогиб – «седло». Это была не вмятина от удара. Это была благородная выработка, след сотен тысяч, если не миллионов, ударов молота. История рода, записанная в стали. Я достал из кармана свою бронзовую печатку и легонько стукнул её торцом по краю наковальни.

ДЗИНННННЬ!

Чистый, долгий, высокий звон эхом разнёсся по всей кузнице, заставив осыпаться пыль с потолочных балок.

«Сталь высочайшего качества, – с удовлетворением заключил я. – Никаких внутренних трещин. Несмотря на внешнюю ржавчину, этот ветеран в полном порядке. Это – сердце нашей будущей работы. Наш главный станок».

Объект номер три: Мехи.

Я подошёл к жалкому остову в углу. Это было то, что когда-то было лёгкими этой кузницы. Зрелище было плачевным. Я пнул ногой сгнившую кожу, и та с тихим шелестом рассыпалась в прах. Деревянный каркас был изъеден древо-точцем и крошился в пальцах. Но я, как инженер, смотрел не на состояние, а на конструкцию.

«Просто, как топор. Однокамерная конструкция. Дает прерывистый, „пульсирующий“ поток воздуха. Неэффективно. Вчерашний день. Но сам принцип рычага можно использовать. Только система будет другой. Двухкамерной. Для непрерывного дутья. Это будет первая и самая важная модернизация».

Закончив с основным оборудованием, я перешёл к само-

му грустному. К инструментам. Они были развешаны на деревянных стойках вдоль стены. Точнее, то, что от них осталось.

Это было похоже на братскую могилу.

«Так, что у нас тут? – язвительно подумал я. – Музей коррозии под открытым небом. Экспонат номер один: „Клещи, ставшие единым целым со стойкой“. Экспонат номер два: „Молоток, самопроизвольно разделившийся на боёк и труху“. Экспонат номер три: „Ящик с зубилами, которые достигли состояния дзен и теперь представляют собой единый ржавый монолит“. Прекрасная коллекция».

Я подошёл к одной из стоек и попытался вытащить из гнезда пару больших клещей. Рукоять осталась у меня в руке, превратившись в горсть гнилой трухи. Сами клещи, издав жалобный скрежет, обломились у основания и с глухим стуком упали на пол, разлетевшись на несколько ржавых кусков.

Я методично прошёлся вдоль стены, проводя свой печальный аудит. Большинство инструментов были безнадёжны. Но в самом дальнем углу, за опрокинутым верстаком, в куче старых тряпок и угольной пыли, я нашёл его.

Молот. Он не был на стойке, он лежал в укромном углу, и это спасло его от худшей сырости. Рукоять из тёмного, отполированного потом и временем дерева, идеально ложилась в руку. Боёк был не ржавым, а покрыт лишь тонкой, благородной тёмной патиной. Форма его была совершенной. Баланс – безупречным. Это был не просто инструмент. Это было про-

изведение искусства. Я был уверен, это был личный молот моего деда. Моё единственное настоящее сокровище в этом царстве упадка.

Я провёл ещё полчаса, разгребая завалы. Моя добыча была скудной. Кроме молота деда, я нашёл ещё одну тяжёлую кувалду с целым бойком, несколько пробойников из хорошей стали, которые были густо смазаны жиром и потому уцелели, и пару сломанных, но крепких напильников.

Я стоял в центре кузницы. Аудит был завершён. Картина ясна.

Активы:

Крепкое каменное здание.Массивная, целая наковальня.Один шедевральный молот и горстка мелкого инструмента.Большая куча ржавого металлолома, который можно использовать как сырьё.

Пассивы:

Полностью разрушенный горн.Полностью разрушенные мехи.Отсутствие 99% необходимых инструментов.Отсутствие топлива.Отсутствие знаний о местных технологиях (что, впрочем, было плюсом).

Тихон подошёл ко мне. Его лицо выражало глубокое отчаяние.

– Господин... это же... это невозможно. На это уйдут годы. Годы и целое состояние, которого у нас нет.

Но я смотрел на всё это иначе. Ярость и отчаяние смени-

лись азартом инженера перед сложнейшей задачей. Я видел не проблемы. Я видел ресурсы и возможности.

Я повернулся к Тихону, и на моём грязном, перепачканном сажей лице появилась широкая, уверенная, почти безумная улыбка.

– Годы? Нет, Тихон. У нас нет годов. У нас есть меньше месяца. Ты видишь здесь руины. А я – идеальную строительную площадку. У нас есть фундамент. У нас есть главный станок. И у нас есть целая гора сырья, – я кивнул на ржавый хлам. – Всё остальное... остальное – это просто инженерия.

Я смотрел на разруху вокруг не со страхом, а с предвкушением. Я видел не гробницу. Я видел свой будущий завод. И я был готов приступить к его строительству.

Глава 8

На следующее утро я пришёл в кузницу не как гость и не как археолог. Я пришёл как руководитель проекта на свой новый, чрезвычайно проблемный объект. Ночь почти не принесла сна. Мой мозг, получив новую, невероятную задачу, отказался отключаться. Он работал, гудел, как перегруженный сервер, выстраивая в голове схемы, графики и последовательности действий. Ярость и отчаяние, которые привели меня сюда, полностью выгорели, оставив после себя лишь чистое, холодное топливо для интеллекта – инженерный азарт.

Первым делом, войдя в своё новое царство пыли и ржавчины, я не бросился к наковальне. Я взял лопату.

– Тихон, – позвал я старика, который с опаской заглядывал в дверной проём. – Нам нужно расчистить здесь рабочее пространство. Хотя бы небольшой пятачок в центре. Невозможно планировать что-то, стоя по колено в мусоре.

Старик, видя во мне не безумную, а деловую решимость, покорно взял вторую лопату. Мы потратили пару часов на самую грязную и неблагодарную работу: выгребали спрессованную за десятилетия пыль, битый кирпич, сгнившие деревянныешки и прочий хлам. Когда в центре кузницы образовался относительно чистый круг каменного пола, я решил, что «офис» готов.

Я нашёл два уцелевших дубовых бочонка, поставил их на некотором расстоянии друг от друга и водрузил сверху широкую, гладкую доску, которую мы притащили из сарая. Это был мой новый чертёжный стол. Мой командный пункт.

Затем я подошёл к верстаку, где оставил свою единственную драгоценную находку – молот деда. Я взял его в руки, ощущая его идеальный баланс и вес. Протёр его чистой тряпичей и с благоговением положил в центр нашего нового «стола». Это был не просто инструмент. Это был символ. Эталон качества, к которому я должен был стремиться. Мой единственный ориентир в этом мире примитивных технологий.

«Любой проект начинается с чистого рабочего места и чётко определённой цели, – подумал я, окидывая взглядом расчищенное пространство. – Это аксиома. Нельзя творить в хаосе. Сначала – порядок, потом – работа». Я посмотрел на гору ржавого хлама, которую мы сгребли в угол. *«И первый пункт после уборки – провести полную сортировку и инвентаризацию доступного сырья».* Но это потом. Сначала – план. Глобальный, всеобъемлющий план.

В качестве «бумаги» я решил использовать большие, плоские куски сланцевой плитки, которые отвалились от крыши. Их поверхность была достаточно гладкой, чтобы на ней можно было царапать углём. В качестве «карандаша», соответственно, – кусок того самого угля из домашнего очага.

Я положил на свой импровизированный стол самую большую плиту и начал рисовать. Но не эскизы. Я начал составлять блок-схему. Это был лучший способ визуализировать сложный, многоуровневый процесс, разбить одну гигантскую, невыполнимую задачу на множество маленьких, но решаемых.

В центре плиты я крупно, печатными буквами, нацарапал: **«СОЗДАНИЕ ИДЕАЛЬНОГО КЛИНКА»**. Это была наша конечная цель. Наш «продукт».

От этого центрального узла я провёл четыре жирные линии в разные стороны. Четыре глобальных подпроекта, без которых основной был невозможен.

1. «ПРОЕКТ: ИНФРАСТРУКТУРА» (Восстановление кузницы).

2. «ПРОЕКТ: ТОПЛИВО» (Создание высококачественного угля).

3. «ПРОЕКТ: МАТЕРИАЛ» (Получение чистой стали из металлолома).

4. «ПРОЕКТ: ИЗДЕЛИЕ» (Непосредственноковка, закалка и сборка).

В этот момент в кузницу вошёл Тихон, неся мне кружку воды. Он с изумлением застыл у меня за спиной, глядя на мои странные схемы.

- Что это за письмена чудные, господин? – прошептал он.
- Не похоже на наши буквы.
- Это карта, Тихон, – ответил я, не отрываясь от работы.

– Карта нашего пути. Чтобы мы не заблудились в этой разрухе. Смотри, – я ткнул пальцем в первую ветку. – Сейчас мы здесь. «Инфраструктура». Пока мы не пройдем этот путь, пока не починим горн и не построим мехи, все остальные пути для нас закрыты. Понимаешь?

Старик ничего не понял, но вид моих уверенных действий и логичных, пусть и странных, схем действовал на него успокаивающе. Он молча кивнул и отошёл в сторону, чтобы не мешать.

Я взял новую сланцевую доску. Пора было детализировать первый и самый важный подпроект. Инфраструктуру. И начать нужно было с самого критичного узла. С источника энергии. С «лёгких» нашей кузницы.

Я решил начать с чертежа новых мехов.

Используя край другой дощечки как примитивную линейку, я начал выводить линии. Это был не просто набросок. Это был полноценный инженерный чертёж, насколько это было возможно в данных условиях. Я рисовал двухкамерные мехи, которые должны были обеспечить непрерывное дутьё.

«Примитивная однокамерная конструкция деда – это прошлый век, – размышлял я, выводя контур верхней камеры. – Пульсирующий поток воздуха, низкое давление, огромные теплопотери. Бесполезно. Это всё равно что пытаться завести машину, постоянно нажимая и отпуская педаль газа. А вот двухкамерная система... это уже инжсектор. Пока одна камера вдыхает, вторая – выдыхает. Постоян-

ный, мощный поток воздуха. Это повысит температуру в горне минимум на двести-триста градусов. Это даст мне контроль. Это – ключ к качественной стали».

Я нарисовал поперечное сечение, детально проработав устройство внутренних клапанов из кожи и дерева, которые должны были работать автоматически под действием потоков воздуха. Я проставил размеры, на глазок прикидывая оптимальный объём камер и ход главного рычага для максимальной эффективности.

Сбоку от чертежа я составил первую спецификацию. Список необходимых материалов.

Спецификация: Меха кузнечные, двухкамерные, мод. «Волкон-2.0»

Кожа воловья, толстая, не гнилая – 2 кв. метра (Статус: отсутствует. Найти/купить/обменять).

Доски дубовые или ясеневые, сухие, без сучков – 5 шт., толщина не менее 1 вершка (Статус: условно имеется. Провести ревизию в сарае).

Гвозди кованые или заклёпки, ~50 шт. (Статус: отсутствует. Изготовить самостоятельно).

Глина для герметизации сопла – 1 ведро (Статус: имеется. Найти источник качественного сырья).

Жир/дёготь для смазки и герметизации – 1 горшок (Статус: имеется. Использовать запасы Тихона).

Закончив с мехами, я перешёл к «сердцу». К горну. На другой плите я набросал его текущее состояние – широкий,

неглубокий очаг, треснувшая футеровка. А рядом – новый проект.

План ремонта горна, вер. 1.0

Полная очистка от старого шлака и мусора. Демонтаж повреждённой внутренней футеровки. Создание новой огнеупорной смеси.

Состав:

Глина (каолинит, предположительно) – 2 части.

Песок (кварцевый, мелкозернистый) – 1 часть.

Мелкорубленая солома – 0.5 части (в качестве выгорающей добавки для создания пористости).

Новая футеровка топки с формированием параболического рефлектора для фокусировки жара.

Проектирование и установка нового, более эффективного сопла (фурмы) под углом для создания вихревого потока.

Затем я взялся за инструменты.

Список инструментов для первоочереднойковки (Прототипы):

1. Клещи малые – 2 шт.

2. Клещи большие – 1 шт.

3. Зубило по металлу (из лучшего доступного лома) – 3 шт.

4. Пробойник – 2 шт.

К концу дня несколько сланцевых плит передо мной превратились в полноценную проектную доску. На отдельной дощечке я даже нарисовал примитивный график Ганта – вре-

менную шкалу в 60 дней, разделённую на недели, и полосы, обозначающие длительность каждой задачи и их зависимости друг от друга.

Я отошёл назад и посмотрел на результат своего труда. Кузница всё ещё лежала в руинах, но на этих сланцевых плитах, в этих чётких чертежах и списках, она уже была восстановлена. Хаос превратился в упорядоченную последовательность задач.

Тихон, который всё это время молча наблюдал за мной, подошёл и посмотрел на мои «письмена». На его лице была смесь благоговейного ужаса и полного непонимания. Он окончательно убедился, что его господин общается с какими-то очень умными и методичными духами.

Я же видел перед собой ясный и понятный путь. Невероятно сложный, но логичный и выполнимый. Отчаяние полностью ушло. Его сменил азарт и предвкушение большой, сложной и невероятно интересной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.